

A woman with long, wavy red hair, wearing a black, sleeveless, high-waisted dress with a ruffled detail at the waist, is leaning against a stone pillar. She is looking towards the camera with a serious expression. The background is a dramatic sunset or sunrise over a landscape with trees and a building. The sky is filled with orange, yellow, and blue clouds. The overall mood is somber and artistic.

СМ_{арина} СЕРОВА

КУДА УЖ ХУЖЕ
•
РЕКВИЕМ
ЗАГОВОРЩИКАМ

Марина Сергеевна Серова
Куда уж хуже. Реквием
заговорщикам (сборник)
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9960186

Куда уж хуже. Реквием заговорщикам : [романы] / Марина Серова:

Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-80396-5

Аннотация

Куда уж хуже

Я достала из сумки связку отмычек и без труда открыла первую дверь. Оказавшись в небольшом узком коридоре, поняла, что дверь, ведущая в квартиру Вика, не заперта. Я резко распахнула ее и прижалась всем телом к стене. Никого. И только Вик с ножом в спине лежит в прихожей лицом вниз. Забинтованная голова. Рядом с телом записка с моим адресом...

Реквием заговорщикам

У частного детектива Татьяны Ивановой утро не сложилось. Еще окончательно не проснувшись, она сразу поняла – грядет что-

то ужасное. Своей интуиции Татьяны привыкла доверять, потому приняла своего нового клиента Владимира Георгиевича весьма недоверчиво. От него просто разило опасностью. Владимир рассказал, что его преследует смерть. За последние две недели он и его жена восемь раз только чудом избежали гибели. Конечно, Иванова не смогла отказаться от такого интересного и перспективного расследования...

Содержание

Куда уж хуже	6
Глава первая	6
Глава вторая	23
Глава третья	40
Глава четвертая	65
Глава пятая	76
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Марина Серова
Куда уж хуже. Реквием
заговорщикам (сборник)

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Куда уж хуже

Глава первая Вик

Кладбищенский пейзаж всегда навевал на меня меланхолию. Так было и на этот раз. Хотя я приехала в этот мир мертвых вовсе не для того, чтобы предаваться каким бы то ни было настроениям. Причем приехала не одна, а привезла с собой здоровых и рослых людей с кинокамерами, фотоаппаратами и прочей техникой, если таковой можно назвать, скажем, лопату. Это был последний этап в одном весьма сложном и запутанном деле, концы которого мне долгое время не удавалось свести воедино. И вот тогда я подняла на ноги прокуратуру, рассказав все, что знаю, и настояв на эксгумации тела одного небезызвестного пианиста... Я была уверена, что его вовсе не убили и тем более он не умер. У меня были веские доказательства того, что вместо него захоронили совершенно другого человека. Поэтому, когда разрыли могилу, подняли гроб, а затем и вскрыли его, удивились все, кроме меня: в гробу лежала хорошо сохранившаяся молодая женщина.

– Да это же его дочь, – проронил кто-то.

Что и требовалось, собственно, доказать. Я полностью отработала свой гонорар и теперь собиралась как можно скорее покинуть кладбище. Моя машина стояла возле центральных ворот и, похоже, скучала без меня. Но уже сев за руль и не обращая внимания на поднывающую вокруг меня шумиху – ко мне бежали какие-то люди, чтобы задавать вопросы, а потом, исходя из почти документальных ответов, становиться майорами и полковниками, – я вдруг обнаружила пропажу: исчезла моя платиновая зажигалка. Конечно, я обронила ее возле фальшивой могилы пианиста, когда прикуривала от волнения. Придется возвращаться.

– Послушай, Сережа, – сказала я подошедшему ко мне следователю прокуратуры и похлопала его по плечу, – когда я звонила тебе 13-го числа в четыре утра с просьбой прислать ко мне людей, ты сказал, что я ошиблась номером. Так вот, милый, теперь ты ошибся номером. И, похоже, надолго. – С этими словами я отстранила его от себя и, делая вид, что не замечаю устремляющихся ко мне людей, нырнула в какую-то калитку. Путаясь в многочисленных узких кладбищенских тропинках, я стала искать выход на центральную аллею, чтобы не столкнуться с инспектором Кругляковым и противным майором Челобановым. Но не нашла, заблудилась среди могил, среди блуждающих здесь неуспокоившихся душ...

Через некоторое время я вышла на голоса, а это означало, что я нашла место, где могла выронить злополучную за-

жигалку. Я отыскала ее в траве и сразу же закурила. Гроб стоял на краю могилы – за ним должны были прислать машину. А я, еще раз облегченно вздохнув, что и из этой игры вышла победительницей, решила добраться к воротам более прямым путем. И вот тогда, случайно оглянувшись, я увидела ЕГО. Он стоял возле свежей еще могилы, заваленной цветами. Не было еще ни памятника, ни надгробной плиты, а только легкий деревянный крест с фотографией молодой женщины.

– Огонька не найдется? – спросил мужчина в темном летнем костюме и черных очках.

– Найдется. – Я протянула ему зажигалку. Но, закурив, он не торопился мне ее возвращать. Он стоял, прислонившись к оградке, смотрел на фотографию покойной и жадно-прежадно курил. Казалось, он позабыл о моем присутствии. Я собралась было уже что-то сказать, что-то нейтральное и дежурное в подобных случаях, как вдруг услышала:

– По-идиотски все вышло. Я уехал, а она умерла. Ничем не болела, смеялась, все было так хорошо, и вдруг... умерла. Я не верю.

– Жена? – спросила я, чтобы только не молчать. Я не умею утешать и вообще не люблю изображать скорбь: я ведь даже не знала эту женщину.

– Нет. Девушка, которую я очень любил.

– И давно это случилось?

– Ее похоронили вчера. А приехал я сегодня. Пришел

к ней домой, а она, хотя должна была ждать меня, не открывает... На мои звонки вышла соседка и рассказала мне обо всем этом ужасе.

– У нее было кому похоронить?

– В том-то и дело, что я даже не знаю, кто занимался похоронами. Она приехала сюда недавно, и первый человек, которого она встретила на вокзале, был я.

– И что сказали соседи?

– Что она умерла от воспаления легких. В одночасье. Потом приехали какие-то люди, все организовали, заказали катафалк и похоронили ее.

– Наверно, родственники?

– Не знаю. Я ничего не знаю. Мы с ней жили так, словно, кроме меня и ее, никого больше не существует. Вы понимаете меня?

– Конечно. Вас мало интересовала ее родня. Обычное дело. Вы жили с НЕЙ, я имею в виду, в ее квартире?

– Да. То есть нет. Словом, то у меня, то у нее, где нас захватывал вечер, там и оставались. И шутили еще, что живем на два дома.

– Если хотите, я поговорю с экспертом, который ее вскрывал, и сообщу вам точный диагноз, – сказала я и вдруг поняла, что разговариваю с мужчиной, который только что потерял любимую женщину. Зачем ему слышать эти ужасные слова: «эксперт», «вскрывал»... Скоро я перестану ощущать чужую боль.

– Что это мне даст? – Он загасил сигарету и, спохватившись, вернул мне зажигалку. – Извините.

– Ничего. Вас подвезти?

– А вы на машине? – Казалось, он обрадовался тому обстоятельству, что у меня есть машина. – Да, подвезите меня, пожалуйста, а то я так и останусь здесь... Знаете, что мне больше всего хочется сейчас сделать?

– Наверно, увидеть ЕЕ.

– Правильно. Именно. Я бы разрыл могилу и заглянул туда... Я словно вижу все это... Ее там не может быть, в ней было так много жизни...

В машине он снова много курил. Когда мы въехали в город, он вдруг взял меня за руку и сказал:

– Послушайте, мне надо войти в ее квартиру... Вы не могли бы пойти со мной? У меня что-то с головой, мне кажется, что я войду сейчас туда и увижу ее... Я отблагодарю вас. Куплю духи, хотите?

– Хочу. Идемте.

Мы приехали в обычный тихий двор. Вик, так звали моего нового знакомого, привел меня на третий этаж девятиэтажного дома и принялся открывать своими ключами двери. Их было три: первая – общая, соединяющая подъезд с небольшой площадкой, на которой располагались три квартиры, и еще две двери, ведущие непосредственно в квартиру. У меня мелькнула мысль, что я, возможно, принимаю участие во взломе чужой квартиры. Наверное, я просто не могу

мыслить обычными категориями. Слишком подозрительна, слишком мрачно смотрю на жизнь.

– Вот... Женя! – позвал он, обращаясь к открывшейся перед нами перспективе из прихожей и комнат. – Вы слышали? Тишина. Значит, ее действительно нет. Проходите. Не бойтесь, со мной все в порядке. Просто надо привыкнуть.

Большая трехкомнатная квартира, дорогая мебель, все подобрано со вкусом, хотя чувствуется какой-то нарочитый беспорядок, словно здесь живет кто-то, для кого важен не правильный порядок вещей, а чистота, комфорт и изящество. На вешалке я заметила женский длинный плащ желтоватого цвета из замши, такого же оттенка туфли, домашние тапочки из красного бархата, на стуле в гостиной халатик из белого атласа, в спальне ворох чистого, но неглаженого белья, в ванной комнате на зеркальной полочке большое множество флаконов и баночек, в массажной расческе застрял длинный рыжий волос.

– Вы так внимательно все осматриваете, словно что-то ищете, – сказал Вик, Виктор.

Конечно, я снова увлеклась.

– Извините. Но я действительно искала.

– Что?

– Не что, а кого. Я искала вашу Женю. Мне почему-то тоже кажется, что она где-то здесь. Я даже чувствую запах ее кожи... Это удивляет вас?

– Нет. Я и сам все это чувствую. Давайте выпьем, помя-

нем Евгению. Мне не хочется, чтобы вы уходили. С вашим уходом из этого дома уйдет жизнь. Я не представляю, как переживу все это.

– Переживете. Время, как известно, лечит раны. Извините за банальность.

Вик пригласил меня на кухню, достал из буфета коньяк и разлил его по рюмкам.

– Я только сделаю вид, что пью с вами, надеюсь, вы понимаете, что я за рулем.

– Конечно.

Вик тоже только пригубил.

– Мне пора идти. – Я поднялась из-за стола. – Извините, но у меня сегодня был трудный день.

Он, словно очнувшись, поднял голову и посмотрел на меня:

– Я даже не спросил, что вы делали на кладбище. Не хотите – не отвечайте.

– Мне надо было кое-кому доказать, что... Знаете, это для вас сейчас может прозвучать несколько... Словом, я была там по своим делам. Можно даже сказать – по работе.

– А вы кто?

– Я – частный детектив. Потихоньку занимаюсь разного рода запутанными делами и чисто по-женски распутываю их, словно пряжу... Как сказал один мой знакомый: «Ты, Танечка, превратила такую грязную работу в подлинное рукоделие».

– Вы не шутите?

– Какие уж тут шутки.

Он взглянул на меня с недоверием и любопытством.

– Вот, – я протянула ему свою визитную карточку. – Звоните, если что.

В ту ночь я спала тревожно. Думала почему-то про этого Вика, про его возлюбленную, но потом, ближе к утру, все-таки уснула. Проснулась очень рано, выпила чашку кофе, сделала зарядку, утомилась и снова уснула. Только на этот раз крепко. И проснулась лишь в полдень. Да и то от телефонного звонка. Схватила трубку и прижала к уху, не открывая глаз.

– Да, слушаю.

– Таня? Это Вик. Мне надо с вами встретиться.

– А что случилось?

– Понимаете, я тут кое-что нашел... Было бы лучше, если бы вы приехали сами, но не знаю, удобно ли это...

И вдруг я услышала какой-то глухой звук, словно кому-то нанесли удар или что-то тяжелое упало, а потом послышались короткие гудки. Похоже, Вику не дали договорить.

Сон мой сразу же пропал. Мне бы не спеша полежать в ванне, позавтракать, да заодно и пообедать, пройтись по магазинам и потратить честно заработанные деньги, а я вместо этого собралась бежать, спасти практически незнакомого мне мужчину. Вряд ли это можно назвать профессионализмом. Скорее охотничьим азартом.

Но куда следовало бежать? На квартиру Евгении? Больше все равно некуда.

Я, умывшись и схватив яблоко, выбежала из дому, села в машину и уже через полчаса входила в открытую квартиру покойной Жени. В руке моей был пистолет. Но я и так чувствовала, что он мне не понадобится. Квартира была совершенно пуста. Все выглядело так же, как вчера, когда я метр за метром осматривала все вокруг. Но только сегодня в прихожей, рядом с тумбочкой, на которой стоял телефон, виднелась лужа крови, размазанная таким образом, словно Вик, которого, предположительно, ударили чем-то тяжелым или острым по голове, упал и его выволокли отсюда – настолько наглядны были следы преступления. Я, предусмотрительно заперев за собой все двери этой наводящей ужас квартиры, принялась осматривать содержимое ящиков письменного стола, секретера, шкафов и даже туалетного столика. Я не обнаружила ни одного документа, ни одной фотографии, ничего, что могло бы свидетельствовать о том, что здесь жила какая-то Женя. Я напрягла свою память и вспомнила ее фамилию (которая была написана на фотографии на кресте): Травина.

Судя по найденному мной нижнему белью и платьям, Женя Травина носила одежду 44-го размера, была высокая, худенькая и (если учесть фотографию на могиле) очень красивая. Лет ей было немногим больше двадцати.

Я вышла из квартиры и позвонила соседям. Дверь откры-

ла женщина неопределенного возраста. Лицо в жирном креме, на голове разноцветные бигуди с торчащими из них острыми шпажками. Голубые глаза навывкате, верхняя челюсть выдвинута вперед. Короче – обезьяна.

– Скажите, Женя дома или уехала?

– Как, разве вы ничего не знаете? – Соседка схватилась за грудь. – Да вы что! Женя умерла. Ее вчера похоронили.

– Что вы такое говорите, как ее могли похоронить, когда я только сегодня утром разговаривала с ней по телефону, – с невозмутимым видом произнесла я, вводя в заблуждение женщину. – Вы, наверно, что-то спутали.

– Ничего я не спутала. Или вы пришли не к той Жене.

– К Травиной.

– Вот именно. К ней ночью приезжала «Скорая», это было два дня тому назад. Женечка умерла от воспаления легких...

Я сделала вид, что у меня закружилась голова, и по стеночке, аккуратненько, сползла вниз. «Очнулась» я уже на диване у соседки. Она хлопотала возле меня, растирая мне виски нашатырным спиртом.

– Ну, слава богу, пришли в себя... Ну и напугали же вы меня. Да я тоже хороша – взяла вот так, без подготовки, все и рассказала. Вы уж извините меня.

– Ничего, – я поднялась и села, состроив страдальческую мину, – а Вик?

– Парень-то ее? Он приходил, я ему, вот как вам, все рассказала, но только он не упал, а сделался чернее тучи... За-

шел в квартиру...

– А он что же, в отъезде был? Он кто по профессии?

Соседка, не уловив, что я даже не в курсе того, кто такой Вик и чем он занимается, очевидно, большая любительница поговорить, выдавала мне информацию, что называется, нагора:

– Он физик по образованию, мне Женя рассказывала, но вынужден был работать не по специальности, в охране. Хотя, кажется, временно. Он все ждал какого-то места.

– Если он в охране, то где же он был, когда заболела Женя?

– В Москве или Петербурге, точно не знаю. Его в командировку отправили.

– А фамилию его не знаете случайно?

– Нет. Не знаю. Может, чайку?

– Спасибо, но я очень спешу. Да, кстати, а кто ее похоронил?

– Брат, кажется. Во всяком случае, это был молодой человек, а с ним еще несколько... Все хорошо одетые, с черными повязками на руках. Так торжественно было, такой красивый гроб, столько цветов... Поминок, правда, не было. Странно, что родители не присутствовали.

Я поблагодарила соседку и поехала в паспортный стол: узнавать все о Жене Травиной. Благо у меня там были знакомые. Через час я уже знала, что ее родители живут в селе Подсолнухове, в пятидесяти километрах от Тарасова. Я заехала на заправку и оттуда – в село Подсолнухово.

Июль, жара, вокруг села поля, цветущие луга и небольшая речка. Центральная улица, по которой я еле проехала – настолько высоки были борозды, оставшиеся от недельной давности дождя и грязи, – вывела меня в небольшой проулок, где я и обнаружила табличку «Виноградный тупик». А вот и дом 25. Выкрашенный синей краской забор, новые, свежеструганные ворота, перед большим деревянным домом палисадник с пыльными мальвами и вишневыми деревьями, усыпанными темными мелкими ягодами. Я вышла из машины и нажала на кнопку звонка. Я ожидала услышать собачий лай, но вместо этого послышался скрип открываемой двери, затем шаги. Калитка отворилась, и я увидела женщину лет сорока пяти в зеленом дешевеньком платье, простоволосую, со смешными очками на носу. Лицо загорелое, в мелких морщинках.

– Вы – Травина? – спросила я.

– Конечно, проходите, пожалуйста.

Да, это вам не городские, которые не то что на порог незнакомого человека не пустят, но и знакомого-то не всегда пригласят войти.

Мы поднялись по крыльцу в дом. В сенях пахло, как водится, керосином и яблоками.

В просторной светлой комнате женщина усадила меня на стул и выжидательно взглянула на меня.

– У вас дочь есть? – спросила я, боясь ляпнуть что-нибудь не то.

– Есть, конечно. Что-нибудь случилось?

– А где она?

– На ферме. Вы из газеты, что ли?

– У вас есть квартира в Тарасове?

– Откуда! Мы, конечно, хотели бы купить дочери дом, ведь она учится в Тарасове, в университете, но откуда такие деньги...

– А можно мне ее увидеть?

– Конечно. Пойдемте.

Женщина заметно заволновалась. Мы с ней сели в мою машину и поехали на край села, где располагалась молочная ферма. Мои ожидания сбывались. Я была уверена, что сейчас увижу живую и здоровую Женю.

И действительно. Мы вошли в доильный цех, и я увидела высокую девушку со светлой косой, коричневым от загара лицом и голубыми глазами. На ней было цветастое ситцевое платье. Это и была Женя Травина. Но женщина, изображенная на фотографии над могилой, выглядела совершенно по-другому.

– Здравствуйте. Вы не могли бы мне ответить на один вопрос: не теряли ли вы свой паспорт? И когда?

– Теряла. – Голос у Жени был низкий, но какой-то детский, почти мальчишеский. – А что, вы его нашли?

– Нет. Просто вы должны знать, что в Тарасове два дня тому назад умерла девушка, носившая ваши имя и фамилию. Возможно, что это ваша однофамилица, что, впрочем, мало-

вероятно... Я была в паспортном столе: у вас нет официальных двойников. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Значит, кто-то жил по моим документам? И что же теперь будет?

– Думаю, что ничего страшного. Просто непонятно, кому это понадобилось создавать вашего двойника. Вы где, извините, учитесь?

– На биологическом факультете. Третий курс.

– А где живете в Тарасове, снимаете квартиру?

– Нет. У родных. У тетки.

– Понятно. А молоко у вас вкусное?

Выпив кружку молока, я уехала, оставив в полном недоумении семью Травиных. Что это за дама приезжала? О чем спрашивала? Какие еще двойники? Кто умер?

Но иногда нужно именно таким вот образом задавать вопросы. Сбивать с толку, путать, но добиваться всеми правдами и неправдами нужной информации.

Я вернулась в город. Начинался дождь. И с ним, кажется, новое дело. Только зачем мне все это? Неужели я так и буду жить в постоянном напряжении, все время находясь в поиске и доказывая кому-то что-то...

Я вернулась домой, приняла душ, переоделась. Готовить не было сил, но если я не поем, то просто отключусь. Поэтому я решила съездить в небольшое кафе, где неплохо готовили грибной суп и цыплят. Я так и сделала.

Кафе располагалось в центре города, на одной из самых

оживленных его улиц. Спустившись в полуподвальное помещение, заставленное красными блестящими столиками и задрапированными черно-красным ситцем удобными стульями, я села возле окна и стала ждать, когда подогреют суп. Из головы не шла история с Женей Травиной. Кто же та женщина, и умерла ли она от воспаления легких?

Последний вопрос можно было выяснить, лишь заехав в морг. Но я знала по себе, что, если я натолкнусь на что-нибудь подозрительное, моя поездка в Москву, о которой я мечтала вот уже целый месяц, мягко говоря, накроется. К тому же с какой стати мне заниматься этим бесплатным делом? А вдруг сегодня мне позвонит какой-нибудь богатый клиент и поручит новое дело? Стоит ли увлекаться? Но я уже увлеклась. Заинтересовалась. Мои ноздри затрепетали, сердце забилось сильнее, глаза стали смотреть внимательнее...

Подали горячий суп. Он оказался густым от шампиньонов и домашней лапши. От него поднимался аромат, заставивший меня забыть на время обо всем. После супа принесли жареного цыпленка в сухарях и ореховой подливке, после которого я чуть было не уснула прямо за столом. Ничего удивительного, наступал вечер, а я уже успела побывать в селе Подсолнухове и познакомиться с двойником, вернее – с оригиналом Жени Травиной.

Как бы мне вообще забыть ее? И Вика тоже?

Я выпила чашку крепкого кофе, вышла из кафе, отыскала на тенистой тихой улочке свою машину, села в нее и закури-

ла. Билет на Москву лежал в кармане шорт. Завтра в это же время я уже буду спать на нижней полке под мерный стук колес или читать «Сагу о Форсайтах». Должен же и у меня быть отдых. Я решила вернуться домой и немного подготовиться к отъезду. И вот, как только открыла дверь своей квартиры, я поняла, что даже в мое отсутствие здесь происходит движение жизни. Звонит телефон, ветер треплет занавески на окнах, из радиоприемника доносится музыка. Не хватает только меня.

Я взяла трубку.

– Таня? Это Вик... – донеслось откуда-то из рая или ада, короче, с того света – настолько далеким был голос.

– Вик, ты где? С тобой все в порядке?

– Я точно не знаю где... Но здесь дорога и ходят машины... Судя по тому, что я сейчас с тобой разговариваю, я еще в Тарасове, но где-то на самой окраине... Я сбежал из какого-то частного дома... Я ранен, они пробили мне голову... Назови свой адрес, я приеду. Ты сможешь заплатить за такси, если я сейчас найду машину?

– Да-да, конечно, запоминай... – и я назвала свой адрес. – Ни о чем не беспокойся. Я через десять минут выйду из дома и буду поджидать тебя возле подъезда...

Он повесил трубку, а я достала из аптечки все необходимое для перевязки. Затем постелила постель, приготовила чистые полотенца и спустилась вниз.

Через сорок пять минут во двор въехали «Жигули» песоч-

ного цвета. Они остановились прямо возле подъезда. Я помогла Вику открыть дверь и подала ему руку. Расплатившись с водителем, я по названной им сумме поняла, что они действительно приехали откуда-то издалека. Но ничего спрашивать не стала. Машина отъехала, я повела Вика в подъезд. Выглядел он так, словно по нему проехало несколько машин: костюм весь в пыли, рубашка в кровоподтеках, лицо в коричневых разводах засохшей крови... Удивительно, что ему удалось еще остановить машину. Но самым пугающим была его рана на голове.

– Сначала помойся, – предложила я ему, как только мы оказались дома. – А потом я обработаю рану.

Но в ванне Вик потерял сознание. Мне пришлось приводить его в чувство, затем вытаскивать из ванны, укладывать в постель и только после всего этого осматривать рану. Насколько я разбиралась в подобных вещах, кость не была задета. Просто содрана кожа, и скорее всего сотрясение мозга. Я обработала рану перекисью, забинтовала и сделала укол, после которого Вик уснул.

Глава вторая

Крысолов

– Ты хотя бы помнишь их лица? Как они выглядели, о чем тебя спрашивали?

– Нет, ничего не помню. Только то, что меня кто-то ударил по голове. Я не видел этих людей.

– Но почему же ты решил, что это был не один человек... Ты постоянно твердишь, что их было несколько.

– Тоже не знаю.

– У тебя что же, дверь была открыта?

– Нет. Я ее закрыл.

– Надо же, какая у тебя избирательная память: это помнишь, то не помнишь...

Мы завтракали. Было утро, в глаза било солнце. На столе стояли чашки кофе и булочки с маслом.

Вик проспал до утра только благодаря моему уколу. Это я знала по опыту. Иначе бы он метался всю ночь от боли или кошмаров. И обязательно сорвал бы повязку с головы.

– Ты как себя чувствуешь? – спросила я уже более мягким тоном. До этого наша беседа больше походила на допрос.

– Нормально. Я только ничего не понимаю. Зачем было меня бить, а потом увозить в этот дом? И вообще, кто такие эти люди?

– Я записала номер машины, которая привезла тебя

ко мне. Ты же сам не помнишь, как тебя везли и откуда?

– Не помню.

– Может, ты позвонишь на работу и предупредишь о том, что ты сегодня не выйдешь?

– Это необязательно. Я уволился.

– А кто тебя посылал в командировку? Ты же работаешь в охране, а какие там могут быть командировки?

– Никаких. Перед поездкой в Москву я и уволился. Какой из меня охранник? Я же физик. Я ждал место в одном НИИ.

– А что ты делал в Москве?

– Покупал акции. Мне Женя посоветовала. Сказала, к кому обратиться и все такое...

– Ну и как? Купил?

– Нет. В этом-то все и дело. Я приехал по адресу, который она мне указала, там должна была находиться фирма, занимающаяся ценными бумагами, а в Москве даже такой улицы не оказалось.

– Тебя, случайно, не ограбили по дороге? – Я, как всегда, предполагала самое худшее. А что, если Женя все это подстроила нарочно? – Деньги-то вез большие?

– Деньги-то большие, пятьдесят «лимонов», но меня никто не ограбил. Я думаю, что Женя что-то напутала с этим адресом. Словом, я так ничего и не понял.

– И где сейчас эти деньги?

– Я снова перевел их в доллары и спрятал в надежное место.

– Что ты собираешься делать дальше?

– Даже не знаю. Хотелось бы узнать, в чем тут дело. Кто на меня напал и кому это нужно? И еще: откуда у этих людей ключи от Жениной квартиры? Может быть, ты займешься этим?

– Ты уверен, что тебе это нужно?

– Я понял. Ты думаешь, что я не заплачу? Я сейчас же съезжу домой и привезу тебе деньги.

Я держала паузу. Пусть выговорится.

– И еще, ты что-то говорила об эксперте, который вскрывал Женю. Узнай, что там случилось на самом деле... Хорошо?

Я кивнула. Похоже, я сегодня действительно не поеду в Москву.

Между тем Вик допил кофе, выкурил сигарету и засобирался домой.

– Ты хотя бы скажи, где живешь, на всякий случай, – проронила я, когда он был уже в дверях. – Мало ли что.

Он сказал, а я записала в свой блокнот.

– Когда тебя ждать?

– Через два часа. Да, запиши еще мой телефон. Его уже должны были починить. Если меня через два часа не будет, значит, все отменяется.

– Не поняла.

– Но ведь не просто же так на меня напали. Могут еще напасть. На всякий случай: деньги лежат в цветочном горшке

на лоджии, под искусственной пальмой. Ну, пока. Спасибо за все.

– А может, пока поживешь у меня? Вдруг мысли какие посетят... – неуверенно предложила я, смутно представляя, что буду с ним делать, ведь я вроде бы собиралась в Москву.

– Нет-нет, я уже буду готов к встрече... – и Вик показал мне газовый пистолет.

– Но ведь это же смешно.

– Хоть так...

Он ушел, а я все эти два часа не могла найти себе места. И вот наконец раздался телефонный звонок. Я была уверена в том, что это звонит Вик, взяла трубку и собиралась было уже что-то спросить, как вдруг услышала:

– А тебя, если сунешься, в доску спустим.

Это был не Вик. Эти слова, означавшие в переводе с блатного «убьем», произнес низким грубым голосом совершенно незнакомый мне мужчина. И я поняла, что с Виком приключилась беда. И я виновата в том, что не смогла удержать его. А может, и не хотела?

В машине я немного успокоилась, хотя в ушах все еще звучал этот неприятный до дрожи в теле голос.

Вик жил в получасе езды от моего дома. Девятиэтажка, каких сотни. Поднялась на лифте на восьмой этаж и позвонила. Тишина. Я достала из сумки связку отмычек и без труда открыла первую дверь. Оказавшись в небольшом узком коридоре, поняла, что дверь, ведущая в квартиру Вика,

не заперта. Я резко распахнула ее и прижалась всем телом к стене. Никого. И только Вик с ножом в спине лежит в прихожей лицом вниз. Забинтованная голова. Рядом с телом скомканная записка с моим адресом.

Он был мертв. Я попыталась отыскать в его карманах свою визитку, но не нашла. Значит, ее нашли убийцы. И позволили. Предупредили. Что в доску меня спустят. Как же. Посмотрим, кто кого.

Но как мне было жаль Вика! Какая чудовищная смерть. Мысль об ограблении пришла ко мне значительно позже, когда я уже вошла в комнату и увидела дверь на лоджию. В квартире ничего не искали. Все было в полном порядке.

Я вышла на лоджию и тут же заметила довольно высокую пальму. Она была настолько хорошо сделана, что я сразу не поняла, что она искусственная. Приподняв слой, имитирующий землю, я с легкостью извлекла из горшка пакет с деньгами. Пересчитала. Все правильно, в пересчете на рубли – ровно пятьдесят миллионов. Не оставлять же их здесь? Сделаю так, как хотел Вик: постараюсь во всем разобраться. Что касается Жени, во всяком случае. Хотя кому это теперь нужно? Я вышла из квартиры, проехала на машине несколько кварталов и позвонила в милицию, чтобы сообщить, что по адресу такому-то обнаружен труп неизвестного мужчины. И сразу же повесила трубку. Пусть разбираются.

Еще я подумала о том, что у Вика могут оставаться какие-то родственники. Я достала свой блокнот и только то-

гда обратила внимание на его фамилию: Дубинский. Виктор Дубинский. Я снова поехала в паспортный стол, чтобы узнать что-нибудь о Дубинских. Но их было так много, что мне потребовалось четыре с половиной часа, чтобы выяснить, кто же является отцом или матерью Вика. И оказалось, что никто. Его родители погибли в автокатастрофе три года тому назад. Но за эти сведения мне пришлось как следует раскошелиться. Зато я оставила у себя его деньги. Я положила их на свой банковский счет и успокоилась. У меня было такое чувство, что эта история еще не закончена.

В тот же день я уехала в Москву, а оттуда в Петербург, затем в Ригу и Таллин. Я отдыхала душой и телом. Вернулась домой осенью, и сразу же на меня навалилось столько работы, что я вплоть до Нового года практически не бывала дома. А если и появлялась, то лишь затем, чтобы привести себя в порядок, наспех перекусить и снова куда-нибудь улететь... И так до июля.

Я была загружена работой как никогда. Мне удалось разыскать украденную девочку, доказать невиновность человека, который сбежал из тюрьмы и несколько месяцев прятался на моей даче, вычислить тайник, из-за которого убили молодого парня... И вот наконец я решила взять тайм-аут и купила билет в Москву. Маленькая квартирка, которую я выкупила у одного своего клиента, ждала меня почти год. Я села в поезд, поздоровалась со своими соседями по купе и с наслаждением подумала о том, что все мои страхи и му-

чения позади. Что теперь мне не придется постоянно оглядываться, ощущая за собой слежку, мчаться сломя голову на машине, рискуя быть пристреленной преследователями, самой за кем-то следить и кого-то преследовать... Да мало ли в каких экстремальных ситуациях мне приходилось бывать за последнее время...

Поезд тронулся, за окнами сначала плыл нежный в своей яркой летней зелени город, затем замелькали все быстрее и быстрее какие-то станции, переезды, а потом мы вырвались на простор и окунулись в свежую, напоенную светом и теплом степь.

– Меня зовут Павел, – представился мой сосед с верхней полки. – Наши попутчики (он имел в виду пожилую супружескую пару), похоже, пошли в ресторан. Может, и нам с вами тоже сходить пообедать?

– Честно говоря, я совершенно не хочу есть. Мне в поезде как-то больше нравится спать. Но вы-то сходите, зачем вам обязательно компания?

– Просто это был повод познакомиться с вами.

– Считайте, что познакомились. И не надо никакого повода. Я этого не люблю. Ведите себя естественнее, и все будет хорошо. – Сказав это, я повернулась лицом к стенке и закрыла глаза. Вот еще, знакомство в поезде!

– Но вы ведь даже не сказали, как вас зовут, – стараясь не быть навязчивым, но в то же время настойчиво, хотя и более тихим голосом произнес Павел.

– Меня зовут Таня. Давайте спать.

Я слышала, как он ушел. Обиделся, наверное. Весь оставшийся день я старалась спать. Даже когда просыпалась, все равно закрывала глаза и представляла себе, что сейчас вот под стук колес ко мне вновь подкрадется какое-нибудь цветное сновидение и закружит меня в своем круговороте. Так оно и случилось. И я понимала, откуда эта ненасытная тяга ко сну: мне необходимо было восстановить силы.

И только один раз, сквозь сон, я услышала голос женщины, которая кормила своего мужа каким-то салатом и шептала так, чтобы ее никто не услышал:

– Девка-то целый день спит, наркоманка, наверно.

А Павел как ушел в ресторан, так больше и не возвращался. Познакомился, должно быть, с другой девушкой. Возможно, он и ночевать-то не придет. Разве что за вещами зайвится. Ночью я окончательно проснулась и поняла, что зверски проголодалась. Я тихонько встала, посмотрела по сторонам. Так и есть: все, кроме Павла. Мужчина храпит, женщина вздыхает во сне.

Я достала из сумки связку бананов, села на постели и стала очищать их. За окном проплывали лунные фантастические пейзажи. Съев все шесть бананов, я вышла из купе и прошлась по коридору до туалета.

– Таня, – позвали меня из темноты. Может, мне показалось, и это грохот поезда так обманул мой слух?

– Кто здесь? – В коридоре было темно, хотя обычно по но-

чам включают тусклое голубоватое освещение.

– Это я, Павел.

– Я тебя не вижу.

– Зато я тебя вижу отлично.

И тут я заметила темную фигуру в тесном проходе возле водонагревательного котла.

– Разве мы перешли на «ты»?

– Я уже давно с тобой на «ты». С того самого дня, как ты грохнула Вика и присвоила его деньги.

У меня кровь отлила от лица и запульсировала где-то в кончиках пальцев. Кто это?

– Я никого не «грохала» и тем более ничего не присваивала.

– Ты все врешь. Я следил за тобой с того самого дня, как погиб Вик. Не знаю, чем ты занимаешься, но жизнь у тебя напряженная. – Он говорил с силой, тяжело дыша, и создавалось впечатление, будто он едва сдерживается, чтобы не наброситься на меня. – Ты классно водишь машину и ворочаешь большими деньгами. Зачем тебе было убивать Вика?

– Я никого не убивала. А ты сам-то кто?

– Я его друг.

– Мы познакомились с Виком на кладбище, а потом я отвезла его на квартиру Жени. Там на него напали, как раз тогда, когда он разговаривал со мной по телефону... Когда он поехал в этот же день к себе домой, то мы договорились

с ним кое о чем. Он должен был вернуться ко мне через два часа. Но в условленное время мне позвонили по телефону и сказали, что, если я сунусь не в свое дело, меня убьют. И тогда я поняла, что с Виком случилась беда. Я сразу же поехала к нему, но было уже поздно.

– А где деньги?

– А что ты знаешь об этих деньгах?

– Я?! Да он занял их у меня, а деньги были не мои, а принадлежали фирме. Убили Вика, считай, что убили и меня. Там такие крутые ребята, что уже на следующий день включили счетчик. И теперь я должен столько, сколько тебе и не снилось.

– А почему ты не пришел ко мне сам, еще летом, и не поговорил?

– У меня не было доказательств. Просто я видел вас вместе, а потом его убили.

– А теперь у тебя есть доказательства?

– Нет. Но у меня и терпения тоже нет. Где деньги?

– Они у меня. Только почему ты решил, что я тебе поверила? Неужели я похожа на такую дурочку?

– Нет. Но я могу показать расписку.

– Это для меня не документ. Ты мне лучше скажи, какой фирме ты задолжал, может, я тебе и помогу. Только опять же, почему я должна поверить, что это именно ты дал Вику деньги?

– Была бы Женька жива, она бы подтвердила.

– Но ее ведь нет в живых. Мы что, так и будем сидеть в этом вонючем коридоре и обмениваться фразами? Предлагаю выйти в тамбур и покурить. Там все-таки более свежо.

Мы вышли в тамбур, и мне удалось разглядеть Павла. Высокий, светловолосый, выражение лица – хронически обиженное.

– Послушай, Павел. Зачем ты давал Вику такие большие деньги? На что ты рассчитывал?

– У Вика были знакомые, они обещали купить у него акции. Женька дала ему адрес одной московской фирмы, занимающейся ценными бумагами, Вик одолжил у меня деньги и поехал. Все это было сделано как-то очень быстро. Он должен был за неделю сделать из пятидесяти «лимонов» сто пятьдесят. Так говорила Женька, и мы ей поверили.

Все это походило на детский лепет. Пора было прекращать беседу.

– Поговорим утром. – Я затушила сигарету и хотела было уже взяться за ручку двери, чтобы выйти из тамбура, как открылась дверь позади меня. В тамбур вошли двое мужчин.

– Это она, – сказал один и грубо схватил меня за руку. – Пошли. Худого тебе никто не сделает.

– Павел, беги! – крикнула я и, резко повернувшись, ударила ногой одного мужчину прямо между ног.

Мужчина, согнувшийся от моего удара пополам, загоразивал другого, который, очевидно, собирался сделать из меня паштет. Ну не выпрыгивать же из тамбура, мне еще так

много надо сделать в жизни.

– Зачем я вам нужна? Если грабить, то у меня ничего нет. Я никогда не вожу с собой наличные. Что касается другого, то и здесь вам ничего не обломится... Говорите, что вам от меня нужно, а то я выстрелю... – Я, конечно, блефовала. Пистолет спокойненько лежал у меня в сумке в купе.

– Пойдешь с нами, тебя шеф хочет видеть. Мы тебя искали по всему составу.

– Как зовут вашего шефа?

– Ты его знаешь. Это Крысолов.

Да, этого человека, мафиози, или, как его называли, авторитета, я знала очень хорошо. Мы не один раз перекрещивались в своих интересах и всегда работали параллельно. Но зачем было меня звать вот так, грубо и неожиданно? Неужели нельзя было пригласить на разговор как-то иначе?

– Он где?

– Я бы тебе ответил, да ОН приказал не выражаться. Если ты имеешь в виду, в каком вагоне, то я тебе скажу: ни в каком. Он ждет тебя в машине на переезде. Поэтому бери вещички и пошли.

– Мы что же это, прыгать будем?

– Нет. Поезд остановится. За километр до переезда. Торопись, а то шеф расстроится.

Я ушам своим не верила. Но поняла, что отказываться бессмысленно. Быстро развернулась и пошла в свое купе. Там, наскоро собрав сумку, надела куртку и, приложив па-

лец к губам (Павел тарачил на меня глаза со своей верхней полки), вышла из купе. Но потом вернулась, быстро достала блокнот и написала на нем свой московский телефон:

– Вот, держи на всякий пожарный... Встретимся в Москве, поговорим обо всем. Обо мне не беспокойся, или мне это показалось?..

Но Павел так и не обронил ни слова. Похоже, он подумал, что пришли по его душу. История с его долгом и акциями стала приобретать все более реальные очертания. Но мысли об этом я оставила на потом.

Вышла из купе и в сопровождении двух верзил добралась до тамбура. Минут через пять поезд стал замедлять ход. А затем и вовсе остановился. Это казалось невероятным. Один из моих сопровождающих достал из кармана ключ, открыл дверь и помог мне спрыгнуть с подножки на насыпь. Как только мы оказались на земле, поезд сразу же тронулся.

Просвистел ветер, все стихло. Мы стояли неподалеку от переезда, мигающего огнями семафоров, и чего-то ждали. Была ночь. Я слышала нахальную песню сверчка и завидовала его бесшабашности и настойчивости. Стрекошет себе, а когда устанет, ляжет спать, подложив себе под голову сложенные крылышки. А меня вот так запросто вытряхнули из поезда ночью и теперь ведут на встречу с каким-то Крысоловом. Ну и ловил бы себе крыс. Если такой крутой, то зачем ему я?

– Вон, шеф едет, – процедил сквозь зубы один из мужчин.

Тот самый, который получил у меня по чувствительному месту.

И действительно, к переезду подъехала – я успела разглядеть при свете фонарей – «БМВ». Меня подвели к машине, открыли переднюю дверь, и я сразу же узнала сидящего за рулем Крысолова. Настоящая его фамилия была Крысов. Но звать его Крысой никто не осмеливался. Так возникла кличка Крысолов. Ему было за пятьдесят, но выглядел он много старше.

– Ну, здравствуй, Таня Иванова, – услышала я его низкий спокойный голос. – Извиняй, что так все получилось, но мы тебя искали в городе, а потом оказалось, что ты уже на полпути к Москве... Видишь, сам за тобой поехал. Расслабься, сейчас доедем до развилки, а там повернем и поговорим в спокойной обстановке.

Доехали до развилки, парни, которые сопровождали меня, теперь сидели сзади. Но когда машина остановилась, словно по команде, вышли и отошли в сторону. Я заметила, как вспыхнули огоньки их зажигалок.

– Я слушаю вас, Василий Федорович. Ваши люди так запугали меня, что я до сих пор не могу прийти в себя от страха.

– Они обидели тебя?

– Нет, просто здоровые и разговаривать не умеют.

– Да никто ведь не занимался их воспитанием. Так я начну?

– Начинайте, раз уж сняли с поезда...

– У меня горе. Ты же знаешь, у меня есть дочь. Она жила в Москве...

Не раз я видела эту девочку. Красивая и тихая, из отличниц. Никому и в голову не могло прийти, что она дочь известного уголовника. Ее воспитанием занималась сестра Василия Федоровича.

– Что-нибудь с Машей?

– Вот именно. Я сначала поехал в Москву, нанял там одного животного (я тут же перевела: вымогатель, презираемый человек), так он цену-то заломил, а Машку мою не нашел. Пропала она. С неделю как нет. Вот такой у нас с ним и получился марцефаль (конфликт).

– Так, значит, ее надо искать в Москве?

– Думаю, что да. Я тебе своих ребят дам. Они будут слушаться каждого твоего слова. Найдешь Машку – всю жизнь будешь жировать.

– А если не найду?

– Ну, не знаю... – он вздохнул.

– А если найду, да поздно...

Мы с ним понимали друг друга.

– Тебе ничего не будет. Но как я сам жить дальше буду – не знаю...

– Что мне надо делать?

– Вот здесь все адреса, где она может быть, список знакомых и подруг. Больше нам ничего не известно. – Он протя-

нул мне листок, несколько фотографий и сотовый телефон. – Если я буду в Москве, то вот по этому номеру, а если в Тарасове – по этому. В случае чего, у моих ребят есть рация.

– Хорошо, но как же я окажусь в Москве, если вы меня сняли с поезда?

– Как сняли, так и посадим. Главное, что ты согласилась помочь. Я этого не забуду. – Он открыл дверь и посигналил.

Парни сели в машину, и мы поехали неведомыми мне дорогами наперерез поезду. По дороге Крысолов связывался с кем-то по рации и говорил на фене очень странные вещи, от которых у меня все внутри бунтовало. Неужели нельзя было изъясняться просто на русском или, на худой конец, на китайском или японском языках, которые никто не знает. Нет, обязательно на этот изуверском, дурно пахнущем арго. Однако смысл сказанного до меня постепенно доходил. Крысолов приказывал остановить поезд. И его остановили. Как? Это их секрет. Но главное, что меня посадили в мой же вагон, а в тамбуре оставались теперь уже мои телохранители. Их звали Сергей и Андрей.

Когда я вошла в свое купе, Павел не спал. Казалось, он ждал меня.

– Слушай, ты откуда?

– От верблюда. Ты чего не спишь? Все думаешь про свои миллионы?

– Ты что, сходила с поезда?

– С чего это ты взял? Просто поговорить надо было.

– Понятно.

– Испугался?

– А ты как думала? За мной уже давно охотятся. Вот я и подумал, что эти – по мою душу.

– Я тоже подумала. А теперь будь другом, оставь меня в покое, мне надо выспаться. – Я не кокетничала: впереди меня снова ждала работа.

Глава третья

В Москве

Проснувшись, я умылась и позавтракала оставшимися бананами. Спустившийся вниз Павел выглядел растерянным. Похоже, он действительно влип со своими миллионами и теперь был привязан ко мне, как собачонка. Такие люди, как он, не должны заниматься никакими акциями и вообще влезать в какие бы то ни было авантюры. Павел был явно рожден для спокойной размеренной жизни. Это ясно. Но ведь я действительно взяла деньги, которые нашла у Вика.

– Доброе утро, – неуверенно пробормотал мой злосчастный попугайчик, теребя в руках полотенце.

– Не верится мне в то, что оно будет добрым. Выйдем. Он вышел за мной в коридор.

– Сколько ты должен?

– Сто пятьдесят.

– Ну, это еще ничего. Я ведь тоже не сидела на деньгах, крутила как могла. Я тебе верну деньги, не дергайся. Но прежде все проверю-перепроверю. Если окажется, что ты меня обманул хоть на один рубль, – душу выну. Понял?

Не знаю, удалось ли мне испугать Павла, но он сначала покраснел, потом побледнел, а затем перекрестился.

– Я свяжусь кое с кем и попрошу приостановить счетчик.

Что за фирма, говори!

– «Восток».

Понятно. Слава богу, что эти ребята имели самое непосредственное отношение к Крысолову. Хотя бы в этом повезло. Но ведь не за этим я ехала в Москву. И вообще, это не мое дело. Почему, почему я вечно переживаю за таких вот Павлуш?

– Так ты взял билет на этот поезд только из-за меня? Следил, значит, за мной, ходил по пятам, даже в трансгентстве был и выпросил место рядом, сочинил, должно быть, историю любви, а кассирша поверила и сделала тебе двенадцатое место. Хорошо, ничего не скажешь. Но почему ты решил, что это именно я взяла деньги?

– Потому что я сам их положил в горшок с пальмой, а когда пришел к Вику, то увидел, как ты отъезжаешь на своей машине от его дома...

– Послушай, но если это были твои деньги, то почему вы хранили их у Вика? Куда логичнее было бы, если бы деньги находились у тебя.

– Так я для этого и шел к нему.

– А ты знаешь, что он хотел этими деньгами расплатиться со мной? Я должна была выяснить что-нибудь о людях, которые напали на него, и о Жене...

– А что выяснять о Жене? Она простыла и умерла.

– Ты был знаком с ней?

– Конечно. Я видел ее за день до смерти. Кстати, она была

живая и здоровая. В ней было столько энергии, что...

– Послушай, Павел, я сначала хотела отправить тебя домой, но теперь понимаю, что ты можешь мне пригодиться. Ты согласен помогать мне за то, что я расплачусь с твоим долгом в сто пятьдесят миллионов?

– А что мне нужно будет делать?

– Быть со мной предельно честным и выполнять все мои поручения.

– А если я не смогу?

– Сможешь. Это нетрудно. Ты будешь жить в моей квартире, я стану тебя кормить, а ты – на меня работать. Может, ты еще не понял, так вот, для особо бестолковых объясняю, что я – частный детектив. На дальнейшее: вопросы буду задавать я, а ты будешь только подчиняться. Соглашайся. Это отличные условия, поверь мне. Возможно, вместе мы прольем свет не на одно, а сразу на два дела. Ну как?

– Я согласен.

* * *

Москва встретила нас дождем. Прямо с Павелецкого мы поехали на Тверскую, а оттуда, прячась под моим зонтом, дошли до улицы Остужева, где в большом красивом доме находилась моя однокомнатная квартира. По пути, в булочной на Бронной, мы купили сахару, булок, чаю и кофе, чтоб хотя бы нормально позавтракать.

– Расскажи мне про Женю, – попросила я Павла, когда мы с ним уже на кухне ждали, пока заварится чай.

В открытое окно залетал свежий ветер с мелким дождем. Необжитая квартира постепенно наполнялась человеческим, жилым духом.

– А что это она тебя так заинтересовала?

– Не могу забыть фотографию на кладбище. Если бы ты мог видеть Вика... Он не хотел поверить в ее смерть.

– А кто мог-то?

– Так вы с Виком виделись, когда он приехал из Москвы, или нет?

– Виделись. Я встретил его утром на вокзале, ему соседка Жени рассказала о ее смерти.

– Извини, а ты сам как узнал, что она умерла?

– Я позвонил ей за день до этого, и мы с ней встретились, чтобы обсудить кое-какие дела...

– Интересно, какие?

– Дело в том, что Женька жила под чужой фамилией. Вик не имел об этом ни малейшего представления. Звали ее на самом деле Женькой, но ее настоящую фамилию я так и не узнал. Короче, она украла паспорт у какой-то девицы, своей тезки, и жила нелегально на той квартире, где ты побывала. Откуда это знаю? У меня тетка в ЖКО работает. Она мне сразу и сказала, что в квартиру Дембицких нелегально вселилась какая-то девица. Приезжая вроде...

– А что, твоя тетка всегда с тобой подобные вещи обсуж-

дает? Ей больше делать нечего?

– Не всегда, но иногда рассказывает. А тут пришла и говорит, что, мол, Дембицкие, оказывается, эту квартиру продали другим людям, а те пустили на квартиру эту девицу.

– Ну и что здесь особенного? На квартиру можно пустить кого угодно. Обычная история. Дальше-то что?

– А то, что мой друг, Виктор Дубинский, стал встречаться с этой девицей. Так я с ней и познакомился.

– А с какой стати Женя так разоткровенничалась с тобой? Вику ничего не рассказала про паспорт, а тебе – рассказала?

– Она хотела со мной посоветоваться, как лучше ему признаться в этом...

– А зачем ей было воровать паспорт, к чему все эти сложности? В чем дело, собственно?

– Я и сам толком не знаю. Одно я понял из ее разговоров, что она в Тарасове временно. Что ее скоро должны куда-то вызвать. То ли на практику, то ли на работу.

– И чем же она занималась?

– Не знаю. Я спрашивал ее, но она всегда почему-то отшучивалась. Веселая была, но иногда на нее находила такая смурь, что просто больно было смотреть. Мне казалось, что она чего-то боялась.

– Может, она уже была больная, а вы просто ничего не замечали?

– Может.

– Так какие дела вы обсуждали с Женей за день до ее смер-

ти?

– Она попросила меня рассказать Вику о паспорте. А потом она как-то странно посмотрела и спросила: «Как ты думаешь, Вик по-настоящему любит меня?» Как я мог ответить на этот вопрос? Дело в том, что она самому мне очень нравилась. Так тоже часто бывает.

– Странная эта ваша Женька. Выдумала историю про акции, ты из-за этого влез в долги, запутал Вика... Непонятно. Зачем она дала Вику несуществующий адрес?

– Не знаю.

А я догадывалась. Было похоже на то, что Женя хотела удалить Вика на какое-то время из Тарасова. Но тогда зачем было давать этот адрес? Можно было дать координаты любой инвестиционной компании или фонда. Может, она всю эту историю выдумала на лету, чтобы поскорее отделаться от Вика? А самой умереть?

– А где те орлы, которые шли за нами по пятам? – спросил Павел.

– Где-то рядом. Скорее всего сейчас они решают вопрос с транспортом.

– А что им от тебя надо?

– Тебя же, кажется, предупредили, что вопросы здесь задаю я. Так? Поэтому допивай свой чай, доедай бутерброд и будем работать. Для начала тебе надо вымыть полы и протереть везде пыль. А я в это время кое-кому позвоню.

Кто бы знал, как трудно мне было настроиться на рабочий

лад.

В голову лезли мысли, одна привлекательнее другой: пройтись бы сейчас по Тверской, зайти к кому-нибудь в гости, пообедать в русском трактире или американском «Макдональдсе»... Но мне поручено найти Машеньку Крысову. Хорошенькую девочку восемнадцати лет, которая потерялась в таком большом городе. И где же ее, интересно, искать? Вряд ли она прячется у друзей или знакомых. Ее наверняка вычислили и выкрали, а теперь ждут подходящего случая, чтобы предъявить папочке какой-нибудь ультиматум. Или назначить выкуп. Я положила перед собой листок, который дал мне ее любящий отец, и принялась обзванивать всех подряд. Рита, Наташа, Света, Катя, Марина... Нет, ее никто не видел уже с неделю. Я чуть было не отшвырнула от себя телефон – настолько мне не хотелось ничего делать, и подошла к окну. А вот и транспорт подали. Черная «БМВ» стояла как раз под моими окнами, а рядом мучились от жажды и голода мои телохранители. Ничего, ребятки, потерпите, ваш шеф не такой дурак, чтобы оставлять вас без обеда. Наверняка вас кто-нибудь заменит.

Павел, раздевшись до трусов, мыл полы. «Трудолюбивый», – подумала я, перешагивая через него и отправляясь в ванную, чтобы немного привести себя в порядок. Все-таки мне предстояло встретиться с Москвой. Пусть даже это будет только квартира Маши. Какая разница?

– Спасибо. Стало легче дышать. Сполосни тряпку, потом

себя – мы уезжаем.

Маша жила в Георгиевском переулке, почти в самом сердце Москвы. Этот переулок шел перпендикулярно Тверской и параллельно проезду Художественного театра. В большом старом, но уютнейшем и престижнейшем доме на третьем этаже располагалась четырехкомнатная квартирка дочери крупного тарасовского авторитета – Крысолова. Какая музыка звучала в его душе, душе преступника, вора и пройдохи, когда он покупал эти хоромы и представлял себе при этом, как в них будет жить его дочь. Машенька собиралась поступать в один из московских вузов, приехала сюда весной и вот теперь, накануне экзаменов, куда-то исчезла. По опыту я знала, что этому может быть несколько объяснений. Но выкуп и ультиматум – это слишком тривиально. А что, если Маша просто-напросто влюбилась и забыла обо всем на свете? Спит сейчас со своим бойфрендом в одной из московских квартир, радуется жизни, а отец из-за нее сходит с ума, поезд останавливает, честным людям не дает отдыхать...

– Нам сюда? – подал голос Павел. Мы расположились в машине на заднем сиденье и сейчас видели перед собой, помимо московского дворика, мощные затылки наших «гоблинов».

– Да, пойдём.

Я все время делала вид, что не замечаю телохранителей. Я не люблю панибратства в работе. Каждый должен заниматься своим делом.

– Послушай, но ведь здесь кодовый замок.

– Был кодовый, стал некодовый. – При помощи набора отмычек я открыла входную дверь, мы вызвали лифт – все-таки в цивилизованном обществе живем, так зачем же пренебрегать благами? – и поднялись на третий этаж.

Я позвонила – на всякий случай. Маша, естественно, отсутствовала. Раз такое дело, придется открывать и остальные двери таким же образом. Интересно, как действовал мой предшественник, очевидно, тоже частный детектив, пытаюсь отыскать Машу? Неужели таким вот топорным методом открывал замки и проникал в квартиры и подъезды? А почему бы, собственно, и нет? Что в этом дурного?

Мы ходили по квартире, как по музею. Рассматривали инкрустацию на мебели, сидели по очереди на мягких креслах и диванах, обитых лимонного цвета шелком, Павел даже пытался прокатиться по натертому до блеска паркету. Квартира выглядела так, словно из нее только что вышли, оставив разбросанными вещи, предметы туалета, теннисную ракетку и даже плюшевые игрушки. Здесь жил ребенок с раскосыми зелеными глазами, длинными светлыми волосами и стройными красивыми ногами. Но ребенок куда-то подевался. И никаких записок, записных книжек, ничего, что могло бы хоть как-то проинформировать о местонахождении этого непоседливого объекта.

– Смотри, магнитофон. Можно включить?

– Включи.

И тут произошло чудо. Мы услышали голос Маши: «Па, не волнуйся. Я пока поживу у Стаса, он хороший, но я не хочу, чтобы ты с ним знакомился. Еще рано. И тебе рано, и мне. Поступать в этом году я не буду. Не хочу. А если честно, то я еще просто не готова. В Москве так много интересного, такие забавные люди... неугомонные какие-то. Я часто прихожу на Пушкинскую площадь, где подземный переход, а рядом кафе «Лакомка» (в котором, кстати, можно выпить настоящего растопленного шоколада и заесть его булочками с орехами или корицей), и слушаю выступления сумасшедших, одержимых политикой. Они такие смешные. Хотя многое, о чем они говорят, правда. Ты только не подумай, что я глупею изо дня в день. Все как раз наоборот. Я ищу себя. Деньги не присылай, у меня их и так много. Но в основном я их проедаю. Хорошо, что это совершенно не отражается на моей фигуре. Если ты боишься, что я забеременею, то напрасно. Я уже взрослая девочка и все понимаю. Не волнуйся, не ищи меня. Целую, твоя Маня». И музыка: металл, рок и прочее громоподобное.

Я достала из кармана сотовый телефон и набрала номер Крысолова.

– Вы слышите меня?

– Конечно, – ответил низкий, чуть хрипловатый голос. – Как дела, детка?

– Я сейчас вам кое-что дам послушать. Может, это вас хоть немного успокоит. – И я, перемотав магнитофонную за-

пись, дала ему прослушать послание дочери. После этого он некоторое время молчал, обдумывая создавшееся положение. И уже более бодрым тоном произнес:

– Таня, все остается в силе.

– Я поняла вас. – И отключилась.

– Можешь мне ничего не рассказывать, я и так все понял.

Тебе нужно найти эту девицу.

– Ты сообразительный не по летам. И что бы ты на моем месте делал? С чего бы начал?

– С этого кафе. Если она там бывает часто, ее могли запомнить. А если учесть, что у нее водятся деньги, то можно пройтись и по другим кафе, расположенным в центре. У тебя есть ее фотография?

Я согласилась с ним, но прежде мне хотелось еще раз осмотреть вещи Маши. Где-нибудь да должна была остаться деталь, которая натолкнула бы меня на правильную мысль. Я снова принялась осматривать все подряд. И мне повезло. Я наткнулась на несколько книг и журналов, лежащих в изголовье огромной итальянской кровати, такую же я не так давно присмотрела себе в каталоге. Листая одну из книг, а это были в основном женские любовные романы, я увидела вложенный между страницами листок плотной бумаги. Развернув его, я увидела, что это свод тезисов какой-то партии. Тезисы-призывы, обращенные к народу, который «все терпит» и «не уважает себя». Какая-то, очевидно, радикальная партия, без всяких околичностей приветствующая «метод Чау-

пешку». Маша использовала это воззвание вместо закладки.

– Что-нибудь интересное? – заглянул через мое плечо Павел.

– Никогда, слышишь, никогда не заглядывай мне через плечо, меня это раздражает! – взорвалась я, отлично понимая, что злюсь-то прежде всего на себя, на свое бессилие, нежели на несчастного Павлика. Но остановиться было не так просто. Я сказала ему еще пару ласковых слов о воспитании, а потом надолго замолчала, просматривая остальные книги.

– Если хочешь, я поеду домой и не буду тебе мешать. Я не привык, чтобы на меня так орали, – с достоинством и более-менее спокойно заявил Павел, направляясь к двери. – Я подожду тебя на улице. Успокойся, скажешь, как нам поступить дальше.

И, представьте, ушел. Вот тебе и тихоня. А я – на всякий случай, – спрятав в блокнот воззвание, вышла из квартиры, заперла ее найденными на телефонном столике запасными ключами и спустилась на улицу.

– На Пушкинскую площадь, – приказала я, и машина, за рулем которой сидел Сергей (я постепенно стала в них разбираться: Сергей – это как раз тот, который пострадал от меня в тамбуре), плавно выехала со двора.

Возникли какие-то проблемы со стоянкой, но меня они волновали меньше всего, а потому мы остановились прямо напротив «Лакомки». Мы с Павликом вышли, я же преду-

смотрительно взглянула на номера «БМВ» – мало ли что.

Кафе представляло собой полукруглое заведение со стойкой в самом центре, где за стеклянной перегородкой хозяйничала румяная женщина средних лет. Она сдирала с плиток хрустящую фольгу и опускала шоколад в небольшой котел с краном, откуда жирная и густая ароматная масса вытекала в крохотные чашки. На витрине действительно стояли вазочки со свежими, розовато-золотистыми булочками, посыпанными орехами и корицей. Я очень хорошо понимала Машу. Только неясно, зачем было так загадочно уходить? Жила бы со своим Стасом в этой шикарной квартире. Кто ей мешал заниматься любовью в Георгиевском переулке? И почему непременно надо было куда-то прятаться?

Когда настала наша очередь покупать горячий шоколад, я протянула уставшей распаренной продавщице фотографию Маши.

– Вы не видели здесь эту девушку?

– Видела. Она бывает у нас почти каждый день.

– А с кем, если не секрет? Я ее сестра и никак не могу ее выловить... Понимаете, она ушла из дома, а мама ужасно нервничает...

– Напрасно. Очень милая девушка. И парень у нее такой статный, красивый. Если хотите ее увидеть, загляните завтра утром, они всегда приходят часам к десяти.

Вот это да! А я-то думала, что у этой продавщицы в голове калейдоскоп незапоминающихся лиц... Какая внимательная

попалась.

– Спасибо. – Мы взяли по чашке шоколада, булочки и отошли в сторонку.

– Ладно уж, – сказал вдруг Павел, – если ты и дальше будешь меня так кормить, то ори на здоровье. Я ни разу в жизни не ел ничего подобного. Можешь заорать прямо сейчас...

– Хватит ерничать. А то отберу шоколад, будешь знать...

После «Лакомки» мы решили пройтись по Пушкинской улице и зашли в итальянское кафе «Равиоли».

– Нет, наши пельмени все-таки вкуснее, – сказал, купая в масле аккуратные квадратики теста, Павел. – Здесь и мяса-то почти нет.

Официантка, посмотрев на фотографию Маши, кивнула головой:

– Да, они заходят сюда довольно часто. И сегодня утром были.

– А вечером они что, совсем не бывают?

– Нет.

Мы вышли на улицу. Начинался дождь.

– Ты сытый? – спросила я, намекая на то, что наши телохранители спасались от голода гамбургерами и баночками с пепси, в то время как мы, выражаясь на языке их шефа, жировали.

– Не то слово.

– У меня есть одно предложение. Как ты смотришь на то, чтобы проехаться вот по этому адресу, – и я показала Павлу

найденное мной воззвание, где значились номера телефонов этой партии, а также адрес штаба: Цветной бульвар, 9.

– Но что это даст?

– А вдруг Маша имеет какое-то отношение ко всему этому? И вообще, ты опять задаешь вопросы. Раз я сказала, что надо ехать, значит, поедем. Я понимаю, конечно, что тебе после такого сытного ужина – заметь, за мой счет! – хочется поспать, но в этом плане можешь даже не надеяться.

Мы отыскали нашу машину и поехали на Цветной бульвар. Там, в одном из старых домов, в полуподвальном помещении располагался штаб движения «Россия». Коротко и ясно. На двери висел большой амбарный замок. Пространство вокруг двери было заклеено уже более откровенными воззваниями, суть которых сводилась ни больше ни меньше, как к установлению новой власти. И под всеми этими воззваниями стояло имя «Рюрик». Что это за Рюрик такой? И много ли членов они уже набрали?

– Вы сюда? – услышали мы позади старческий голос и разом обернулись. На лестнице стояла женщина лет пятидесяти, в строгом темном костюме и белой блузке. Казалось, она целый день собиралась, причесывалась и одевалась, чтобы прийти сюда и увидеть нас.

– Да. Мы нашли на улице это воззвание, – продекларировала я с жаром, – и захотели узнать все об этой партии или движении.

– Это движение, друзья мои, называется «Россия». Если

вам действительно интересно, чем мы дышим, то оставайтесь. Приблизительно через полчаса все начнут собираться... Вы раньше не состояли ни в какой партии?

– Нет, ни в какой. Нас привлекло то радикальное начало, которое присутствует в этом воззвании, – старалась я произвести на тетку должное впечатление.

– Без радикализма сейчас никуда. Не то время, это вы верно заметили. Пора переходить к конкретным действиям. Пора кончать эту бессмысленную говорильню. Это хорошо, что вы здесь. У нас вообще много молодежи. Если хотите, подождите на улице, а нет, так я вам сейчас открою.

Я пожала плечами, женщина достала из сумочки ключ и открыла замок, распахнула дверь. В лицо нам ударил сырой запах, какой бывает в погребках или овощехранилищах. Зажегся свет. Мы оказались в достаточно просторном помещении, чистом, но неуютном из-за темных сырых стен и сломанной мебели. Впереди, на возвышении, стояла покосившаяся трибуна, обитая красным сатином.

– Стульев здесь много, так что присаживайтесь.

– Скажите, а кто здесь лидер, в этом вашем движении?

– Рюрик. Это очень известный человек. Он крайне редко появляется на людях, поскольку болен, но мысли его светлы и чисты. Вы не смотрите, что здесь так сумрачно и бедно, у нашего движения уже есть кое-какие средства, скоро мы переселимся в более светлое и сухое помещение. Не все сразу. Главное, что у нас много союзников. Вы, я полагаю,

москвичи?

– Да, – соврала я, надеясь на то, что у нас не станут сразу же спрашивать паспорта.

– Это тоже большой плюс. А где вы работаете?

– Я безработная. И он тоже, – опередила я ее вопрос относительно притихшего в углу Павлика.

– Где это видано, чтобы полные сил и здоровья молодые люди не могли найти себе работу? Вообще-то меня зовут Клавдия Михайловна... Так вот... – и она принялась развивать эту мысль.

Мы ждали, что придет кто-нибудь еще, но прошло полчаса, сорок минут, сорок пять – никого, кроме Клавдии Михайловны, не было.

Пока мы молча выслушивали ее мысли по поводу переустройства российского общества в целом, Павлик уснул. Клавдия Михайловна прервала свою бурную речь только после того, как услышала его раскатистый и очень спокойный храп.

– Вы извините его, пожалуйста, но мы сегодня практически ничего не ели, Павлик таким вот образом восстанавливает силы.

– Я понимаю его, – вздохнула политизированная старуха и ударила себя кулаком в грудь. – Я вообще понимаю всех, и мой долг спасти вас. – После столь патетической речи она склонила голову набок, словно внимая грохоту рукоплесканий.

– А где же остальные ваши люди? – осмелилась задать я важный, на мой взгляд, вопрос.

– Кто где. Каждый на своем посту.

– Вообще-то нам посоветовала сюда прийти Маша.

– Кто? Какая Маша?

Крысолов предупредил меня, что фамилия его дочери – Плужникова. Поэтому я, даже не подумав как следует, выпалила:

– Маша Плужникова.

– Да? – Она устало опустилась на стул и вытерла пот со лба. – Что же вы раньше не сказали?

– Да вы и не спрашивали как будто.

– Она говорила вам о задании? У вас с документами все в порядке?

– Абсолютно. А что касается задания, то в самых общих чертах. Нам бы хотелось подетальнее.

– Приезжайте завтра утром в Нагорное, там и поговорим. – Она так резко изменилась, что я не сразу сообразила, что вообще произошло.

– Но мы там ни разу не были.

– Первое строение у пионерлагеря. Искать нечего. Я буду там с самого утра. Постарайтесь принести уже готовый план. Время не ждет.

– Хорошо. – Мы попрощались со странной дамой и вышли из этого противного подвала на улицу.

– Что-то я не понял, о каком задании шла речь.

– А как же ты можешь понять то, о чем мы с тобой пока не имеем представления? Очевидно, этот штаб, а вернее сказать, курятник или подвал, является прикрытием этого движения и рассчитан на таких вот пришедших с улицы граждан, жаждущих проявить себя на политическом поприще. Эта Клавдия, конечно, врала, что должен прийти кто-то еще. Если бы и пришли, то какие-нибудь новенькие, вроде нас с тобой. А настоящий штаб у них, по-видимому, находится в Нагорном. Я знаю, это пригород Москвы, и там действительно есть пионерлагерь. Но самое удивительное, на мой взгляд, то, что Маша имеет непосредственное отношение ко всему этому политическому сброду.

Я смутно представляла, чем мы будем заниматься в этом Нагорном, что говорить и как себя вести. А то, что мы обязательно туда завтра отправимся, было несомненно. Я почему-то была уверена, что мы встретим там Машу. В одном я только сомневалась: связываться ли мне сейчас с Крысоловом, чтобы сообщить ему о своем намерении поехать завтра утром в Нагорное, или нет. И я решила не торопиться.

Мы вернулись на улицу Остужева и поднялись ко мне домой. Я постелила Павлу на маленьком диване, а сама легла на нормальную широкую кровать. После того, как был выключен свет, мысли мои приняли резко политический оборот. Я думала о таких вот молодых людях, как Маша со своим другом, которых при умелом использовании психологических рычагов можно убедить в самых невероятных и –

главное – опасных вещах. Они же как губка впитывают все самое радикальное (я не зря упомянула об этом в присутствии Клавдии Михайловны, чтобы хотя бы прощупать основную концепцию и принципы ее политического движения), то, что сможет СРАЗУ изменить многое в нашей жизни. А если еще к этим тезисам присовокупить положения, основанные на инстинкте самосохранения, то источник раздражения народных масс будет в одночасье задушен руками вот такого молодняка. Говоря проще, если дать им в руки оружие и сказать, кого штурмовать, то может пролиться кровь многих тысяч людей.

Да, я согласна, что в стране не все в порядке. Но существует система управления государством, хорошо отлаженный механизм, который и не позволяет одурманить молодежь подобной идеей. Она сразу же пресекается в корне. Пусть уж лучше одурманиваются марихуаной или кокаином. Так безопаснее. Правда, умирают пачками. Но пусть уж лучше умирают, чем с оружием в руках убивают инакомыслящих. Так считает правительство. Но Рюрик, с которым мне еще предстояло познакомиться, очевидно, думает иначе. Он каким-то образом привлекает к себе молодежь... Но как? Что такого он им вкладывает в сознание, если даже такое избалованное существо, как Маша, ударились в политику? Это было более чем интересно.

Мне даже расхотелось спать. Я встала и пошла на кухню. Вскипятила чай, ужасно огорчилась, выяснив, что мы забы-

ли заехать в магазин, чтобы купить провизии. А ночью с бутербродами так хорошо думается...

Я догрызла булочку и вернулась в постель. Теперь мысли мои приняли прямо противоположное направление. Я не верила Павлу. Никакой он не друг Вику. Он просто пользуется тем, что нет в живых Вика и Жени, которые могли бы подтвердить его причастность к покупке (вернее, не-покупке) акций и, главное, к пятидесяти миллионам рублей. Да что я, собственно, мучаюсь? Это же так просто узнать.

Я снова выбралась из постели, закрылась на кухне и позвонила Крысолову.

Он почти моментально взял трубку.

– Василий Федорович. Это я.

– Слушаю тебя. Как дела? Почему звонишь в такое время? Нашла Машу?

– Скажите, я могу на вас рассчитывать, если Маша отыщется завтра? Мне не нужно никаких гонораров. Мне только будет необходима ваша помощь: транспорт и беспрекословное повиновение ваших людей.

– Слушать тебя одно удовольствие. Да если ты отыщешь Машку, я сделаю для тебя все.

– И еще. Мне нужна информация по фирме «Восток».

– Это мои люди. И что же?

– Нужно выяснить, не давали ли в долг некоему Павлу пятьдесят «лимонов» наличными. И если давали, то сколько там набежало?

– Перезвони мне минут через десять, хорошо?

– Хорошо.

Я положила трубку. За десять минут я успею сбегать в ларек за банкой шпрот и каким-нибудь кексом. Но внутренний голос хмыкнул презрительно и напомнил мне, что по ночам есть вредно, а главное – это говорит о моей слабости. Что поделывать, слаб человек.

Десять минут превратились для меня в целый час. Наконец я снова набрала номер.

– Ты слушаешь меня? Да, действительно, Павел Худяков, служащий этой фирмы, взял в долг ровно пятьдесят миллионов рублей, чтобы съездить в Москву и купить акции. Но он никуда не поехал, а отдал эти деньги своему другу Виктору Дубинскому. Виктор поехал в Москву, и мы не знаем, с каким результатом он возвратился обратно. Худяков деньги не вернул, он вообще исчез. А набежало там чуть больше ста пятидесяти «лимонов». Ты хочешь, чтобы я погасил этот долг?

– Мне нужен словесный портрет Павла Худякова.

– Хорошо. Я сделаю это для тебя. Перезвони мне еще через десять минут.

Я отключилась. Посмотрела на часы. И в эту минуту дверь кухни отворилась, и показался заспанный Павел.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, с чего ты взял? Все в порядке. Иди ложись. Я скоро приду.

– Ты звонила кому-то?

– Нет, просто хотела перекусить, а у нас хоть шаром покати.

– Я могу принести тебе... Возле дома два ларька – ночная торговля. Достижение демократии, скажем...

– Вот и ты тоже стал мыслить политическими категориями. – Я сделала вид, что мне смешно. Но на самом деле мне было не до смеха. Через восемь минут мне нужно будет связаться с Крысоловом, а на кухне стоит Павел Худяков, словесный портрет которого я и хочу услышать. – Да, действительно. Сходи, будь другом.

– Что тебе взять?

– Что хочешь. Только посмотри срок годности.

– Если меня долго не будет, значит, меня убили, – спокойно, словно речь шла о чем-то обыденном, проговорил Павел. Он все еще верил в могущество людей, которым он так крепко задолжал. Наверно, это страшно – жить вот так, под прицелом. Он ушел, а я сразу же связалась с Василием Федоровичем.

– Слушай: высокий, светловолосый, лицо такое, словно он съел килограмм лимонов.

– Особых примет нет?

– Есть. До баб охоч. До денег тоже. Еще мне сказали, что кто-то убил его друга, Виктора Дубинского. Возможно – он. Потому что убийство и его исчезновение произошли в один день... Если он тебе нужен, мы тебе его найдем. Если же он

тебе нужен в другом плане – то скажи, мы его не тронем. Я ведь не знаю, чего ты хочешь.

– Спасибо. Пусть пока остановят счетчик. А дальше я разберусь сама. И если его найдут – тоже пускай пока не трогают. Он завязан с одним делом, которое я расследую.

– Ты мне Машку ищи, поняла?

– Машку я уже почти нашла.

– Где она?

– Пока промолчу. До завтра.

– Как скажешь.

В прихожей послышался шум: это пришел Павел. Высокий, светловолосый, который «охоч до баб». Тогда непонятно: я, что ли, мужик?

– Там без денег не дают, – сказал он мне, вываливая из пакета банки и свертки.

– А как же ты взял?

– Ребята наши одолжили.

– Вот, возьми и отнеси им, еще чего не хватало – быть в долгу у них... – Я дала Павлу деньги, он ушел, а я принялась открывать консервы.

А не слишком ли самоуверенно я вела себя с Василием Федоровичем? Не переоценила ли свои силы? А что, если мы завтра не увидим Машку? Да, но ведь утром-то она кормится горячим шоколадом и равиолями. Хорошо, что вспомнила. Вот как полезно по ночам предаваться чревоугодию. Вернулся Павел.

– Составишь мне компанию?

– С такими продуктами тебе кто хочешь составит компанию.

Я думала немного приободрить его и рассказать о том, что счетчик приостановлен. Но решила не торопиться.

– Это что: ужин или завтрак?

– Ужин. Я очень надеюсь, что завтракать мы с тобой будем в обществе Маши и ее друга.

– Горячий шоколад? Как же я забыл!

Глава четвертая

Машка и Крысолов

В половине десятого мы уже стояли у входа в «Лакомку». Ночью лил дождь, поэтому асфальт был еще влажный. В целом же утро было солнечное и даже немного прохладное. Над Москвой кружили голуби.

– Ты бы мне хоть фотографию девчонки показала, – заметил Павел, оглядываясь по сторонам.

– Обойдешься. Достаточно того, что я ее знаю.

– Может, зайдем, возьмем себе по чашечке шоколада?

– Оно, конечно, понятно, что ты проголодался. Но что ты будешь делать, когда все съешь и выпьешь? Придется уходить из кафе, чтобы освободить место другим, а вдруг в это самое время придет Машка? Тебе бы толь...

Но я не договорила. Возле нас остановился блестящий черный «Мерседес». Дверца открылась, и из машины вышел высокий красивый молодой мужчина в светлых брюках и полосатой розово-зеленой рубашке с короткими рукавами. Он обошел машину и помог выйти хрупкой длинноногой девушке в ярком желтом платье с открытыми плечами. Это была Маша. Не обращая на нас совершенно никакого внимания, они зашли в кафе. Мы – следом. Но потом, сообщив, я приказала Павлу бежать к нашей машине и предупредить Сергея и Андрея, что минут через пятнадцать-два-

дцать нам предстоит поехать за этой парочкой на черном «мерсе». Павел ушел, я заняла очередь за Машиным молодым человеком. Так вот, значит, как выглядит Стас, о котором она говорила своему отцу. Взрослый, ничего не скажешь. Я, стараясь не встретиться с ней взглядом, рассматривала Машу и одновременно оценивала в ней буквально все, начиная с косметики и кончая загаром на плечах. Интересно, какой образ жизни она ведет? Чем занимается с утра до ночи? Где живет и о чем думает? Но чем больше я задавала себе вопросов, тем очевиднее становилось то, что я вижу перед собой совершенно еще девочку. Большие, полные наивного любопытства и неземного счастья глаза, смешные коричневые веснушки, вздернутый аккуратный носик, полные губы, выпяченные в хроническом капризе... Она была очень хороша, свежа и со вкусом одета. Ее портрет был бы неполным без тяжелой гривы блестящих рыжих волос. Они были рассыпаны по плечам в беспорядке, и Маша то и дело поправляла упавшие на лицо пряди и отводила их назад. Вернулся Павел, к этому времени подошла и наша очередь. Мы тоже взяли по чашке шоколада и по булочке с орехами.

– И вот эта девица занимается политикой? Сроду не поверю.

– Веди себя потише. Мы ничего толком не знаем.

– А почему бы ее не сдать сразу родителям или кому там... – Он покраснел. Это еще что такое? Откуда он знает про родителей? Неужели подслушал мой разговор с Крысо-

ловом? Нет, это исключено. Все объясняется гораздо проще. Ну кто еще, кроме родителей, может заниматься ее поисками?

– Ты правильно рассуждаешь, – я сделала вид, что не заметила упоминания о родителях. – Но меня, если честно, заинтересовал этот самый Рюрик. И вообще, ты снова вмешаешься не в свое дело. Тебе сказали – выполняй. Все! Смотри, они идут к выходу.

Спустя минуту вышли следом и мы. Наша машина уже стояла за углом и ждала команды. Мы сели и поехали за медленно отъезжающим от кафе «мерсом».

Но мы напрасно рассчитывали так быстро оказаться в Нагорном. Как мы и предполагали, наша сладкая парочка захала в «Радиоли», затем неторопливо двигалась по центру, останавливаясь возле магазинов. Маша и Стас ходили в обнимку и казались самой счастливой парой на свете. На них было приятно смотреть.

И только часа через два с половиной, когда мы, измученные ожиданием и раздраженные по поводу невозможности парковки рядом с преследуемым «мерсом», приготовились остановиться возле «Детского мира», они вдруг прибавили скорость, выехали на Дмитровское шоссе, оттуда помчались к Ботаническому саду, затем вылетели на Алтуфьевское шоссе и – на Кольцевую дорогу. Увидев указатель «Совхоз Нагорное», я облегченно вздохнула. Значит, все-таки я рассчитала все правильно.

В глазах своих спутников я уже в течение трех часов видела немой вопрос: ведь они знали Машку и не могли понять, почему я не прекращаю поиски. Но они молчали, потому что следовали инструкции. И я молчала, потому что следовала своей инструкции. Своим планам. Дело в том, что утром я выпила чашку кофе. Я встала намного раньше Павла и сварила натуральный кофе. Было самое время погадать. И когда я, после того как кофе был выпит, опрокинула на блюдце чашку, чтобы посмотреть на рисунок кофейной гущи, мне стало не по себе: я увидела четкую свастику. А ведь на утро у меня было запланировано принятие единственно правильного решения: то ли сдавать Машку отцу и наслаждаться жизнью, то ли ехать в Нагорное. Свастика решила дело. Сочетание хрупкой и нежной Машки с мрачной фашистской символикой не укладывалось у меня в голове. Крысолов получит свою дочь, но только после того, как я увижу своими глазами штаб в Нагорном.

За городом было хорошо. Пахло свежескошенной травой, цветами и мокрым асфальтом.

Как я и предполагала, в Нагорное они не поехали, а свернули на узкую проселочную дорогу и двинулись параллельно расположенному чуть выше дачному массиву. Но это были не простые дачи. Во-первых, они находились в лесу, а во-вторых, были обнесены рабицей. Во время езды эффект сетки исчезал и казалось, что никакого ограждения нет вообще, а просто стоят на некотором расстоянии друг от друга

небольшие коттеджи, между которыми то блеснет голубоватый прямоугольник бассейна, то мелькнет теннисный корт. Понятное дело, что ни огурцов, ни помидоров хозяева этого райского уголка не выращивали. Они просто наслаждались жизнью, солнцем, друг другом, возможно... Словно в подтверждение моим мыслям появились массивные белоснежные ворота, ведущие в это дачное хозяйство, – со шлагбаумом. И охраной с автоматами наперевес. А рядом, у дороги, расположились магазин и несколько палаток с овощами и фруктами. Зачем что-то выращивать, если можно все это купить, не утруждая себя изнурительным крестьянским трудом.

Получилось так, что мы въехали на территорию дачного поселка следом за «мерсом», словно имели к нему какое-то отношение: нас пропустили без единого вопроса, посчитав, очевидно, что мы **ВМЕСТЕ**.

– Неужели они нас до сих пор не заметили? – не выдержал Павел, когда мы, миновав шлагбаум, свернули в противоположную сторону от преследуемой машины.

– Да хоть бы и заметили, что с того? Скажем, что мы ищем штаб движения «Россия». И все. Но они, похоже, не заметили не только нас, но и вообще ничего, кроме друг дружки, не видят. Влюбленная парочка, что же ты хочешь... Останови, – приказала я Сергею и вышла из машины. – Вы поезжайте за ними и выясните, где они живут или к кому приехали. Когда узнаете, возвращайтесь сюда, мы с Павлом будем

ждать вас возле этого теннисного корта.

Мои охранники уехали, а мы сели на траву и стали наблюдать игру. Двое парней в белых теннисках и шортах бегали по корту с ракетками и что-то доказывали друг другу. И это вместо того, чтобы играть. Как же – амбиции.

– Я отойду, я ты побудь здесь, – сказала я, направляясь в кусты, где намеревалась позвонить по сотовому телефону Крысолову. Я понимала, что существование сотового телефона уже давно не являлось для Павла тайной, но беседовать с кем бы то ни было в его присутствии не собиралась. Я присела на пенек, достала телефон и набрала номер.

– Наконец-то, я ждал, – услышала я низкий мужской голос. – Ну что, нашла?

– Нашла. Она сейчас находится в Нагорном. Это пригород Москвы. Здесь дачный поселок. Сюда она только что приехала со своим другом на черном «Мерседесе». Если хотите, я возьму ее за руку...

– Нет-нет, не стоит этого делать. Сейчас я свяжусь со своими ребятами и скажу, как им поступить.

– Вы хотите, чтобы они сами забрали ее?

– Зачем же забирать? Для меня главное – увидеть Машу. Они укажут мне наиболее точные координаты, и я сейчас же вылетаю.

– Как... вылетаете?..

– На вертолете. Я же себе места не нахожу с тех пор, как Маша исчезла. Как ты думаешь, сможет меня что-нибудь

остановить перед встречей с дочерью?

– Думаю, что нет.

– То-то и оно. И ты будь там поблизости. Увидишь вертолет, подходи.

Я вернулась к Павлу, который, казалось, дремал на солнышке.

– Теперь я тебе не нужен? – спросил он, не открывая глаз.

– Еще не знаю. Ты – темная лошадка. Подождем до вечера.

Минут через десять подъехали телохранители.

– Они зашли в двухэтажный дом, что за бассейном. Подем, покажу, – сказал Сергей, не выходя из машины.

Мы сели и поехали. Остановились в нескольких метрах от дома, в зарослях сирени, и заглушили мотор.

– Паша, сходи посмотри, не видно ли чего в окнах... – сказала я, намекая своему помощнику, что мне надо поговорить с глазу на глаз с этими головорезами. Паша ушел, а я жестко проговорила: – Вижу, что шеф позвонил вам. Только не думайте, что это конец работы. И нечего на меня так пялиться. Он увидит Машу и улетит, а вы останетесь.

Я и сама не знала, что это на меня нашло. Наверно, дело было в довольных и ухмыляющихся физиономиях этих парней, которые раздражали меня все больше и больше. Ведь, казалось бы, все! Работа выполнена, можно возвращаться в Москву, распрощаться и с Крысоловом, и с Пашей. Зачем я здесь? Что мне надо от этого дачного поселка? Почему на дне моей чашки появилась свастика? Какое отно-

шение имеет Маша к политическому движению «Россия»? И при чем здесь Паша, Вик? Да, кстати, хороший вопрос: а при чем здесь Вик? А при том, что я постоянно думала о нем. Вспоминала выражение его лица, когда впервые увидела его на кладбище. Какая-то дурацкая история с акциями. Что-то здесь было не так. За что его сначала избили, а потом и вовсе убили? Помнится, когда мы с ним разговаривали по телефону, он произнес фразу: «Понимаете, я тут кое-что нашел...» Где? Он звонил из квартиры Жени. Но что такого он мог найти?

И вдруг я все поняла. У меня словно открылись глаза. Все сошлось здесь, в Москве. Соединились две линии. Возле мертвого тела Вика я нашла записку, вернее, листок, на котором был записан мой адрес. Это я ему дала на всякий случай. А на чем он был написан? Помнится, Вик достал из кармана какой-то клочок бумаги (я еще хотела вырвать листок из своего блокнота, но он жестом остановил меня, достал этот клочок) и написал мой адрес на нем. Где? Где сейчас этот клочок?

Я тряхнула головой и очнулась. Мы снова – все четверо – сидели в машине и ждали появления Крысолова на вертолете. Вернее, ждали мы втроем: я, Сергей и Андрей. Павел вообще не знал, зачем он живет и что с ним будет дальше.

Я вышла из машины, прихватив с собой сумку, углубилась в лес и присела на кем-то заботливо поставленную там скамейку. Достала сигареты и закурила. Затем полистала блок-

нот, и оттуда выпала та самая записка Вика с моим адресом. Да, я хранила ее, так же, как великое множество разных листочков и записочек. Я перевернула ее и убедилась в том, что память не подвела меня: это был клочок воззвания народного движения «Россия». А это означало многое. Первое – что сам факт такого обращения Вика с воззванием говорил либо о его неосведомленности, либо о полном равнодушии к политическим страстям вообще. Второе – наличие этого воззвания в квартире Жени или Вика, как мне кажется, тоже не случайно. Но какие бы глубокомысленные выводы я сейчас ни делала, одно оставалось неоспоримым: листок воззвания народного движения «Россия» являлся тем общим звеном, которое могло соединить эти два дела – исчезновение Маши и ее участие в политической жизни Москвы и смерть Вика и его подруги Жени. Я могла бы возразить себе, что, мол, таких воззваний по всей стране миллионы, их распечатали по всем городам и весям, а я ищу оборванные концы, чтобы связать их в один узел. Но почему тогда я раньше нигде, никогда и ничего не слышала об этом движении? И почему там, на Цветном бульваре, в подвале мне стало так муторно, словно я кожей почувствовала, как меня пытаются обмануть? Какая-то тяжелая атмосфера чувствовалась в этом фальшивом штабе. Да и Клавдия Михайловна оказалась аферисткой...

Я очнулась от странного звука. Подняла голову к небу и увидела кружащийся над нами вертолет. Он начал медлен-

но спускаться и приземлился на большой поляне со скошенной травой.

Я побежала к дому, в котором скрывалась Маша. Поднялась на крыльцо и постучала в дверь. Мне долго не открывали, а потом я услышала шаги, дверь распахнулась, и я увидела недовольное лицо молодого человека. Он был в черном махровом халате. Лицо парня было заспанным, на щеке отпечатались складки простыни или подушки. Я потревожила ИХ сон.

– Я к Маше, – сказала я, сильно нервничая. А вдруг окажется, что нет ее уже в доме, что мы ее прохлопали и она куда-нибудь исчезла... От этой мысли у меня на лбу мгновенно выступила испарина.

– А вы кто?

– Она обещала прийти на массаж, я тут неподалеку живу...

– Странно, она мне ничего такого не говорила. Маш, тебя! – заорал он, обращаясь внутрь дома.

– Иду! – послышался тоненький голосок, и откуда-то сверху, словно спрыгнув с лестницы, появилась запыхавшаяся Маша. Лохматая, в мужской рубашке с закатанными рукавами, она удивленно вскинула брови, увидев меня.

– К вам приехали, – сказала я и взяла ее за руку. Я уже слышала сзади голоса и чувствовала, что Василий Федорович где-то совсем рядом.

Маша сначала резко дернула руку, но потом, увидев при-

ближающегося к дому отца, обмякла вся и чуть не упала в мои объятия.

– Стас, папашка мой приехал, глянь... – и она, оттолкнув меня, бросилась с крыльца навстречу отцу.

Глава пятая

Свастика

Василий Федорович улетел спустя три часа. Все это время он общался с дочерью наедине. Никто не мог слышать их разговора, но одно было несомненным: Крысолов был безмерно счастлив, что нашел свою дочь. Перед самым отбытием он позвал меня – я уже познакомилась с девушкой по имени Катя и даже сыграла с ней пару партий в теннис – и сказал, что наш уговор остается в силе и я могу рассчитывать на его помощь.

– А что за дело-то у тебя? – спросил он как бы невзначай.

– Вы что-нибудь слышали о народном движении «Россия»?

– Нет, а что, есть и такое?

– Да. И похоже, ваша дочь участвует в этом движении.

– С каких это пор ты занимаешься политикой, Танечка?

– Со вчерашних. Просто мне стало интересно, чем же оно, это движение, так привлекательно для молодежи.

– И всего-то?

– Нет. Убили одного моего знакомого. Еще в прошлом году. Вы рассказывали мне именно о нем. Виктор Дубинский. Так вот, в его кармане я тоже нашла точно такое же воззвание, как в Машиной книжке. Вот я и подумала...

– Совершенно напрасно ты подумала.

– Вы что-нибудь знаете об этом?

– Знаю. Мои люди считают, что его убил Худяков, которого ты то ли защищаешь, то ли наоборот.

– И насколько этому можно верить?

– Насколько хочешь. А теперь прими от меня подарок. –

И Василий Федорович с совершенно бесстрастным лицом достал из кармана и протянул мне коробочку, в каких обычно хранят ювелирные украшения. Открыл, и я увидела массивный перстень с бриллиантом.

– Мы же с вами договаривались совсем о другом...

Я в Москве без машины, и как там насчет ваших людей?

– Я же сказал в самом начале – все остается в силе.

Но с этим перстнем ничего не бойся. Ты меня поняла?

– Поняла. – Хотя ничегошеньки не поняла. – Что с Машей?

– Она теперь будет умницей. Мне пришлось ей кое-что объяснить. Все-таки она моя дочь, и поэтому ей надлежит вести себя благоразумнее. Покалякали, короче.

Я в который раз подивилась этому сочетанию литературной речи с воровским жаргоном.

– Хочешь, я возьму тебя с собой в Тарасов, а если у тебя дела в Москве, то Сергей с Андреем в твоём распоряжении.

– Вот за это спасибо. А с перстнем прямо и не знаю...

– Зато я знаю. Носи и не снимай.

И он ушел. Сказал что-то своим парням и ушел. Я видела, как поднялся в небо и улетел вертолет. Я осталась воз-

ле машины в обществе троих практически незнакомых мне мужчин и, быть может, впервые в жизни не знала, что мне делать. Маша после разговора с отцом зашла в дом, а потом вышла к нам и приблизилась ко мне.

– Папа сказал, что это вы меня нашли. Как вам удалось? – Она выглядела утомленной, погрузневшей и какой-то повзрослевшей. Намотав на палец прядь волос, Маша смотрела на меня, наклонив голову набок, и ждала ответа.

– Я же профессионал. Зачем тебе знать, как я тебя нашла. Ведь если я тебе скажу, что случайно, ты не поверишь.

– Конечно, нет.

– Я нашла в твоей квартире воззвание. Ты действительно имеешь отношение к народному движению «Россия»?

– Да, а что, нельзя?

– Мы могли бы поговорить с тобой на эту тему?

– Конечно. Проходите в дом. Я сейчас позову Катю, и она нам что-нибудь приготовит на ужин... Или, если хотите, можем сходить в столовую.

Я попыталась отказаться, но она и не слушала меня. Легко поднялась на крыльцо, в прихожей стоял телефон, позвонила. Хмыкнула:

– Ушла куда-то...

– Я с какой-то Катей не так давно играла в теннис. Может, это она?

– Ой! Конечно, она, позовите ее, пожалуйста...

В доме Маша познакомила меня со Стасом, который

тут же вызвался отвести моих телохранителей в столовую. Он все понимал с полуслова. Прибежавшая с корта Катя, судя по всему домработница – толстушка, которая сколько бы ни играла в теннис, а все равно не похудела бы, – достала из холодильника окрошку, вареную говядину и клубничный торт.

– Не могу в такую погоду есть жирную пищу, – словно оправдываясь, сказала Маша, помогая ей накрывать на стол. Мы сидели втроем – Маша, я и Стас – в огромной комнате за большим столом, и я рассказывала им о своем походе в штаб на Цветном бульваре. Они почему-то хохотали.

– Чтобы стать членом нашего движения, недостаточно просто прийти в штаб. Мы стараемся не принимать случайных людей. В основном приходят знакомые, с рекомендациями... У нас очень избирательное движение.

– Но что же это за движение, о котором никто не знает?

– Знают, еще как знают. Вы себе даже представить не можете, сколько тысяч человек насчитывает «Россия».

– ТЫСЯЧ? – засомневалась я.

– Именно тысяч. И в основном это молодые люди начиная от шестнадцати и кончая тридцатью.

– И как же происходит агитация? – Я, как человек практичный, интересовалась в первую очередь механизмом обработки нежных мозгов, то есть технической стороной вопроса.

– Наши люди внедряются в вузы и училища, в службу за-

нятости и переподготовки кадров...

Стас, этот вальяжный и роскошно одетый молодой человек с копной вьющихся каштановых волос, большими карими глазами, бледной кожей и прекрасной фигурой, говорил таким языком, словно всю свою жизнь занимался агитацией или политпросвещением.

– Тогда объясните мне, непонятливой, почему же тогда ни одна из партий или движений не может похвастать тем, что в ее рядах именно молодежь? Чем вы заинтересовываете ее?

– Мы хотим изменить все. Весь уклад жизни. У нас есть план переустройства общества, где большая роль отводится личности.

– А как вы собираетесь поднимать экономику?

– У нас есть светлые головы, которые разработали подробнейшие программы с расчетами вплоть до рубля. С помощью их мы наведем порядок в экономике.

– А кто ваш лидер?

– Разве вы не слышали? Рюрик. Это гений, в которого мы верим.

– А где его можно увидеть или услышать?

– Он появляется крайне редко, но его последователи повсюду...

– Стас, мы взрослые люди. Если он ваш лидер, то все должны знать его в лицо, а он должен как можно чаще выступать перед, извините, массами... Это необходимо при орга-

низации любого движения или партии. Ничего лучшего еще просто не изобрели. Ну что – я могу увидеть вашего гениального Рюрика или его вообще не существует?

– Ошибочное мнение. Если привлекательны идеи, то все не обязательно выступать перед аудиторией. Хотя он выступает достаточно часто. Существует газета, листовки, воззвания. Но их мы выпускаем ограниченными тиражами. Мы не хотим, чтобы в наши идеи заворачивали селедку.

– А можно почитать вашу газету?

– Конечно. Но только не выносите ее из дома. Машенька, принеси, зайчик.

И зайчик побежала за политической газеткой. Вот как весело живет наша «золотая молодежь». Развлекается, выпуская оппозиционные газетки, и наводит туману на и без того затуманенные мозги обывателей. Но когда я прочла первые строки этой газеты, которая так и называлась – «Россия», я испугалась, увидев свастику. Вернее, какой-то знак, очень похожий на этот фашистский символ. Значит, моя кофейная гуща меня не обманула и на этот раз? В передовице печатался текст обращения, который открытым текстом призывал население к смене президента и правительства, к ИСТРЕБЛЕНИЮ всех тех, кто «ВСКОРМЛЕН ВЧЕРАШНИМ ДНЕМ». Что бы это значило?

– Ваше движение призывает к кровавым репрессиям, к жертвам и убийствам?

– А без этого Россию не изменить. Если не остановить,

не удушить правительство, которое выдает на-гора нелепые законы, способствующие обнищанию основной части населения России, то нас поработит Китай. Китайцев больше миллиарда, а жить им негде. Или американцы введут свои войска.

– Стас, ты это серьезно?

– Я понимаю, вы, наверное, приезжая, поэтому ничего о нас не знаете. Нас МНОГО. Понимаете? МНОГО. Оставайтесь у нас ночевать, а утром мы вам покажем кое-что...

Спать меня и Павла уложили на втором этаже. Окно спальни было открыто, но от комаров спасала невидимая тонкая сетка. Пахло влажной хвоей и свежестью. Мы лежали на разных кроватях, застеленных чистым бельем, сытые, и могли бы спокойно уснуть, но после разговора с этой жизнерадостной парой мне было не по себе. Я шепотом выложила Павлу все, что мучило меня, закончив фразой:

– Похоже, этот Рюрик умный мужик. Вот бы на него посмотреть. – И вдруг я вспомнила, ЧТО мне рассказал о Павле Худякове Крысолов. А вдруг рядом со мной лежит убийца Вика? И зачем я вообще таскаю парня за собой? Надо бы оставить его в покое. Вернуть деньги, тем более что он действительно одалживал в фирме «Восток» пятьдесят миллионов. Позвонить Крысолову, чтобы тот дал полный отбой, и сказать ему, что деньги у фирмы будут через пару дней. Утром я проснулась от того, что меня кто-то тряс за плечо. Я открыла глаза и увидела свежую и бодрую Машу. Она

улыбалась, на ее розовых щеках проступили ямочки, глаза блестели. Видно было, что она провела прекрасную, полную любви и счастья ночь.

– Вы хотели посмотреть?

– Что? – не поняла я сначала.

– Пойдемте, у нас сбор в семь часов ровно. А сейчас уже без двадцати. Как раз успеете умыться и выпить чашку кофе. Катя приготовила вам внизу, на кухне.

Я разбудила Павла и объяснила ему, в чем дело. Он тоже быстро собрался, и уже без пяти семь мы шагали через лес в сторону пионерского лагеря. Откуда-то доносилась музыка. В лесу пели птицы. Я и представления не имела, что такого особенного мы можем увидеть, ради чего нас подняли в такую рань. Но я явно недооценила суть происходящего. И поняла это, лишь когда увидела такое, от чего волосы мои встали дыбом.

За лесом начиналась огромная зеленая долина. Сколько хватал глаз, везде стояли легковые автомобили, мотоциклы, микроавтобусы... Несколько тысяч человек, одетых в летнюю пеструю одежду, построились, словно солдаты на параде. Лица у всех были счастливые. Это были не нищие безработные, которым нечего надеть и не на что приехать. Это было совершенно новое, сытое и даже раскормленное поколение. Но они явно были кем-то организованы. Зазвучал марш, кажется, Вагнера, и все двинулись вышагивать по кругу. В том числе и Маша со Стасом. Мне казалось, что я вижу

сон.

– Паша, ущипни меня.

– Хорошо. А ты – меня.

Нет, мы не спали. Мы присутствовали при грандиозном скоплении народа, о котором никогда не узнает ни пресса, ни телевидение... Люди добровольно приехали сюда, скорее всего из Москвы, чтобы помаршировать в свое удовольствие и тем самым выразить свое согласие со всеми идеями этого народного движения. Это было фантастичное зрелище. И если бы мне кто-нибудь рассказал об этом, я бы ни за что не поверила. Больше того, я сочла бы собеседника сумасшедшим. И вдруг все стихло. (Маша со Стасом вернулись к нам. Я увидела их разгоряченные лица и широко раскрытые глаза.) Музыка... Голоса... Затем все стихло. Слышен был только ветер да непонятный звук, доносившийся откуда-то слева... Я повернула голову, и мне стало совсем уж нехорошо. В сопровождении двух молодых парней к центру людского моря неторопливо продвигалась инвалидная коляска с сидящим в ней мужчиной неопределенных лет. У него были густые седые волосы. Глаза спрятаны за темными стильными очками. Мужчина был даже красив. Ноги его закрывал клетчатый черно-красный плед.

– Вы подготовились к сегодняшней встрече? – спросил он высоким мальчишеским голосом.

– Да! – ответили тысячи голосов.

– Прошу оставить ваши предложения и выполненные за-

дания у моего помощника, – и он обратился к кому-то, стоявшему рядом со мной.

Стас? Да, мужчина в коляске обращался именно к нему. Ровные ряды людей двинулись в нашу сторону, каждый, поравнявшись со Стасом, вручал ему какой-то листок с отпечатанным текстом.

– Это Рюрик? – спросила я на всякий случай у стоявшей в шаге от меня Маши.

– Рюрик.

* * *

...Приснится же такое. Я присела на постели и осмотрелась. Павел еще спал, подложив по-младенчески под щеку руку. В дверь стучали. От этого я, наверно, и проснулась.

– Да, войдите! – крикнула я, подтянув простыню к самому подбородку.

Вошла Катя и сказала, что все давно встали и ждут нас к завтраку. Она ушла, а у меня закружилась голова. Какое-то странное это было место. Я взглянула на часы: девять. Неужели я настолько впечатлительный человек, что мне снится такая чушь? Но уже за столом, наблюдая за бесстрастными лицами Стаса и Маши, я подумала: а вдруг это предостережение? Что, если такое случится в действительности и какая-то неизвестная государственным структурам партия или движение сплотит вокруг себя молодых и примет

решение о свержении правительства и президента НЕЛИГИТИМНЫМ путем. Что тогда будет? И куда смотрит наша госбезопасность? Размазывая по тарелке овсянку, я думала о том, что необходимо срочно же связаться с их отделом по связям с общественностью и узнать, зарегистрировано ли вообще движение «Россия». Что касается моего пребывания в Нагорном, то я совершенно потеряла нить расследования. Надеюсь встретить здесь, на этой даче, людей, имеющих непосредственное отношение к руководству движением, я хотела выяснить, существуют ли у них списки, ведется ли учет членов, узнать, много ли их сторонников живет в Тарасове и причастно ли это движение к смерти Вика. Признаюсь честно, что, если бы не свастика на дне чашки, я бы ни за что не связала воедино эти две истории. Наверно, поэтому я, выпив кофе и стараясь действовать незаметно для сидящих за столом, опрокинула чашечку и замерла в ожидании чуда, которое я сейчас увижу на дне.

– Вы любительница гадать на кофейной гуще? – спросила, улыбаясь, Маша и призывно заглянула Стасу в глаза: смотри, мол, какая странная.

Я перевернула чашку и похолодела от ужаса – снова СВАСТИКА.

– Смотрите, что бы это могло быть? – спросила я, обращаясь к Маше и не в силах сдержать своего волнения. – Это свастика, не так ли?

– Не так. Это просто кофейные разводы, я не верю во всю

эту чушь, – ледяным тоном произнес Стас.

Я завидовала больше всего Павлу. Казалось, он настолько доверился мне, что даже забыл о своем огромном долге. Он откровенно наслаждался жизнью. К нашим разговорам не прислушивался, а уписывал за обе щеки овсянку с бутербродами, улыбался чему-то про себя и был, как мне кажется, вполне счастлив. Я никак не могла решить для себя, оставаться ли мне здесь, чтобы попытаться поподробнее узнать об организации, или возвращаться в Москву.

– Если у вас есть время, вы могли бы погостить у нас, – произнес неожиданно для меня Стас. Он словно читал мои мысли.

Я вопросительно посмотрела на Павла и поняла, что именно эта фраза и понравилась ему больше всего за сегодняшнее утро. Он словно ждал, когда же ее наконец произнесут. Я усмехнулась. Как все-таки легкомысленны мужчины и как безответственны...

– А мы не стесним вас? По правде говоря, мне очень хотелось бы поиграть в теннис, здесь столько кортов, что почти не бывает очереди.

– Папа мне сказал, чтобы я вас холила и лелеяла, – заметила Маша, – вы же нашли меня... Представляю, как сложно это было...

– Да нет, не очень... Говорю же – случайно.

– Хорошо. Тогда оставим этот разговор. Вы – наши гости, а гостей принято развлекать. Вообще-то мы собираемся

в Москву. Мы и завтракаем обычно там, в одном кафе. Если хотите, поезжайте с нами, а если нет, оставайтесь здесь, отдыхайте, Катя за вами присмотрит, накормит, когда вы проголодаетесь... Существует несколько пунктов инструкции пребывания на дачах. Первый, и очень важный, – не подходите к колючей проволоке, которая тянется по периметру всей территории. Второй – постарайтесь не особенно распространяться, что вы не москвичи, держитесь особняком. Здесь разный народ, они вас не знают...

Очень странная инструкция. Одно было понятно – мы чуваки. После завтрака Маша со Стасом уехали. Катя, пользуясь возможностью, побежала на корт, а мы пока оставались в доме.

– Я знаю, у тебя куча вопросов, – сказал Павел, – и тебе не терпится высказать свое мнение. Давай поищем здесь что-нибудь наподобие купальников и махнем в бассейн.

– Я не могу. Это негигиенично.

– Тогда давай сходим к магазину у ворот, может, там что-нибудь подберем...

Павел делал мне какие-то знаки, я никак не могла понять, что он имеет в виду. И когда он, говоря какую-то ерунду, стал показывать на свои уши, мне стало безмерно стыдно: ну конечно, он намекал на «жучков», которыми этот сказочный домик мог быть нафарширован до самой крыши. И почему же мне это раньше не пришло в голову? Конечно, мы не могли разговаривать здесь, надо было найти место, где бы

нас никто не мог услышать. Да и вообще не мешало бы произвести кое-какую разведку.

– Хорошо, в бассейн так в бассейн, – согласилась я, мы вышли из домика и направились к центральной аллее.

Наши телохранители, молчаливые и покладистые, как зомби, играли в теннис с Катей – по очереди. Увидев нас, парни как-то напряглись, словно замерли, но я сделала им знак рукой, и мы продолжили наш путь дальше. Да, это был настоящий рай. Чистота, высокие хвойные деревья, тенистые аллеи, аккуратные двухэтажные особнячки, дорожки, блестящие в солнечном свете от росы... Из окон доносилась музыка, а из глубины этого дачного городка тянуло свежим ароматом кофе. Похоже, большинство живущих здесь предпочитали без хлопот питаться в столовой. Центральная аллея вывела к воротам, возле которых стояла вооруженная охрана. Пока мы не скрылись в магазине, я чувствовала на своей спине взгляды этих рослых парней, и мне было не по себе. Магазинчик был маленький, но очень компактный, и в нем можно было купить абсолютно все, начиная с еды и кончая шубами. Продукты хранились в холодильниках под стеклянными витринами, и это были не только консервы, но, как я и предполагала, свежие овощи, фрукты и даже деревенское молоко. Что говорить о купальниках и плавках, за которыми мы сюда пришли, если здесь можно было купить даже дорогое вечернее платье. Я выбрала себе черный закрытый купальник, резиновую шапочку и большое

красное полотенце. Павлу купила пестрые плавки и синее полотенце.

– Если хотите, можете взять напрокат велосипеды, – предложила нам очень миленькая продавщица.

Это было очень кстати, потому что я намеревалась обследовать каждый кустик этого дачного рая, а ходить пешком было бы довольно утомительно. Поэтому мы сразу же согласились. Девушка скрылась за дверью, и вскоре здоровенный детина вывел нам два спортивных велосипеда, практически новых.

– У вас есть документы?

– Нет, – сказала я, чтобы не усложнять себе жизнь. К чему им знать, кто мы и откуда. Просто приехали погостить к родственникам или знакомым.

– Ничего страшного. Берите так, – улыбнулась девушка, и мне показалось, что мне снова снится сон.

Выйдя из магазина, Павел сказал:

– Тут и удивляться нечему: разве сможем мы выйти отсюда иначе, как через эти ворота. Велосипеды никуда не денутся. Так что не ломай голову.

Однако мне не понравился его тон. Но что было делать? Мы сели на велосипеды и покатали по аллее в сторону бассейна. И только переодевшись в специальных кабинках и нырнув в воду, посчитали себя более менее отделенными от всяких «жучков», если таковые, конечно, были. Павел прекрасно плавал и чувствовал себя превосходно, чего

нельзя было сказать обо мне. Я начала комплексовать по поводу его невнимания ко мне. Неужели я настолько погрузилась в работу, что перестала интересовать мужчин? А ведь Крысолов говорил мне о Худякове совершенно противоположные вещи. Он плавал, нырял, играл в воде, как мальчишка, и совершенно не обращал на меня внимания. Мне стало неинтересно, я поднялась на несколько ступенек из воды и вдруг увидела мужские ноги. Они оказались буквально в сантиметре от моего лица. Мускулистые, загорелые и волосатые. Интересно, кому они могли принадлежать? Я подняла голову и встретила взглядом с ярко-синими глазами мужчины. Светловолосый, стройный, в белых стильных плавках, он, наверное, пользовался завидным вниманием со стороны обитавших здесь женщин.

– Что-то раньше я вас здесь не видел, – сказал он, помогая мне подняться и даже прикрывая мои плечи полотенцем. Надо же, какая фамильярность!

– Вообще-то я бы и сама смогла взять полотенце, вам не следовало так утруждать себя.

Мое стремление к независимости выглядело более чем блекло. Желание понравиться этому блондину выдавало меня с головой. Я совершенно забыла о Павле. И лишь услышав позади всплеск, взяла себя в руки и словно очнулась. Зачем я разговариваю с этим парнем, меня же проинструктировали, чтобы я ни с кем не общалась.

– Паша, нам пора, – сказала я, обращаясь к вытиравше-

муся несколько поодаль Павлу, и пошла к велосипедам. Он молча кивнул и пошел следом.

– Мы еще увидимся, – услышала я за спиной. Что ж, вполне возможно.

Мы сели на велосипеды и поехали по центральной аллее, так и не сказав друг другу ни слова. Павел обогнал меня и свернул в лес, я за ним. Он спрыгнул и, прислонив велосипед к стволу дерева, жестом пригласил меня последовать его примеру.

– Ты мне что-то хотела сказать или спросить? Уверен, что здесь нас никто не слышит. Даже если «жучки» установлены в велосипедах, все равно...

– Я ничего не понимаю. Мне кажется, что мы попали в плен. И что нас никто отсюда не выпустит. И еще – у меня болит и кружится голова. Ты ничего не можешь мне сказать по этому поводу?

– Могу. Ты помнишь, что было утром?

Я почувствовала, как по спине побежали мурашки.

– Ты хочешь сказать, что все это не было сном?

– Конечно, нет.

– Но ведь это какой-то бред. Значит, и ты там был? И ты видел это огромное скопление людей? Казалось, они приехали со всей Москвы... Не молчи, скажи же что-нибудь...

– Пока не могу. Но у меня есть план.

– Какой?

– Мне необходимо залезть на какое-нибудь высокое дере-

во и хорошенько осмотреть сверху всю территорию дач.

– Я бы составила тебе компанию, да боюсь, что у меня не получится.

– Решай сама. – С этими словами Павел встал, подошел к ели, потрогал ствол и вдруг начал с легкостью взбираться наверх. Ловкими энергичными движениями он заставлял свое гибкое тело подниматься все выше и выше. И вот наконец совершенно скрылся в густых пушистых еловых ветках. Я с трудом представляла себе, как он будет спускаться вниз. Но он не спешил этого делать.

– Э-эй! Ты что, не собираешься возвращаться?

Но он молчал. Я испугалась. Ощущение нереальности происходящего пугало меня, как пугало бы всякого нормального человека. Но вдруг произошло какое-то движение, посыпались обломанные маленькие ветки, и я наконец увидела спускающегося Павла. На шее у него что-то болталось. Когда он спрыгнул на землю, я подбежала к нему и поняла, что это фотоаппарат.

– Откуда он у тебя?

– Он всегда при мне. Просто я носил его в кармане. Хочешь посмотреть вид сверху?

Это был, оказывается, «Полароид». Моментальный снимок. Этого я никак от Павла не ожидала. Но когда я взглянула на этот снимок, мне стало и вовсе не по себе. Дело в том, что дачный массив представлял собой огромное квадратное пространство, обнесенное колючей проволокой.

Но не это было главным. Коттеджи и строения были расположены таким образом, что изображали СВАСТИКУ. И это мне не могло показаться. Так было на самом деле.

– Павел, рассуждая логически, я могу сделать вывод, что организация существует очень давно. Во всяком случае, лет десять. Кроме того, она финансируется по-крупному. Далее. Единственное, что мне нужно было здесь, это найти настоящий штаб этого движения, добраться до архива и посмотреть, нет ли в его списках фамилий Травиной и Дубинского. Вот почему мы еще здесь. Я не говорила тебе, потому что не была уверена в том, что я на правильном пути...

Павел снова молчал. Мне казалось, что я делаю ему одолжение, рассказывая все это, – настолько он оставался безучастным к происходящему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.